

Григорий Устинович Медведев

Ядерный загар

Сканирование, проверка, форматирование – lostpoint, 2005
«ЯДЕРНЫЙ ЗАГАР»: Издательство «Книжная Палата»; Москва; 1990
ISBN 5-7000-0223-X

Григорий Медведев

ЯДЕРНЫЙ ЗАГАР

1

Воздух помещений и боксов атомной электростанции, недавно еще горячий и густо насыщенный тошноватой вонью, теперь остыл и неприятно саднил дыхание еле ощутимой горечью.

Обычно редко посещаемые персоналом, длинные, пустынные коридоры грязной зоны электростанции казались теперь и вовсе покинутыми.

Атомный блок стоял, пораженный тяжелым недугом.

Неделю назад, в ночную вахту, случилась ядерная авария. Из-за ошибок операторов в управлении процессом произошло разрушение части топливных урановых кассет активной зоны атомного реактора. А попросту говоря – эксплуатационники «заварили козла».

Это означало, что тепловыделяющие элементы кассет разуплотнились и долгоживущие радиоактивные осколки и частицы разрушенной двуокиси урана разнесло из реактора с теплоносителем-водой и паром по трубопроводам, в тысячи раз повысив их радиоактивность.

На блоке стояла напряженная и гнетущая тишина, от которой с непривычки звенело в ушах.

Но звон был кажущимся. Это память то и дело как бы невзначай подсовывала в уши людям здоровый шум работающей электростанции, словно бы напоминая необычно притихшим эксплуатационникам, что пора бы и начинать...

Что ж. Пора и начинать...

Сами «заварили козла», самим и выдирать.

Люди всех служб атомного энергоблока ходили какие-то удрученные. Иные остро ощущали вину. Однако предстоящее тесное общение с радиоактивной заразой никого особенно не прельщало.

В такие вот черные дни и недели темноватые слухи расплзались по отметкам (этажам) и помещениям атомной электростанции – всюду, где только были люди в белых лавсановых костюмах и чепцах. Слухи, что вот-де, мол, чуть ли не закроют блок, и мало того – не только закроют, но и обвалуют землей, и вместо АЭС один только курган и останется...

«И поделом! – в сердцах говорили некоторые. – Меньше грязи будет...» – «Да-а... Держи карман шире... Закроют тебе... Столько денег угрожали – и закроют... Не-ет...» – говорили другие.

И чем выше по этажным отметкам и ближе к блочному щиту управления АЭС, тем острее и язвительней были толки, отдающие порой откровенной досадой.

«И впрямь ведь, – говорили эти третьи, – весь трескучий бум в печати, по радио и телевидению об укрощении могучего атома в конце концов оборачивается суровой необходимостью прямого контакта с радиоактивными осколками деления, а ведь именно тут и начиналось то самое что ни на есть геройство, ибо налицо опасность, ее надо преодолеть... И при этом страдает не кто-нибудь, а живые люди. Но вот об этом пресса помалкивает... Да-а...»

Глаза у людей были то печальные, то колючие, то откровенно злые...

...Начальник цеха централизованного ремонта Иван Фомич Пробкин, человек кряжистый, небольшого роста, с головой, вросшей в плечи и слегка откинутой назад, соображал вслух, таким образом естественно и будто нехотя подсовывая информацию для размышления сидящим рядом с ним трем ремонтникам – гвардейцам старого ядерного призыва, дергавших «козлы» еще на бомбовых реакторах...

– Стало быть, драть «козла» надо, – раздумчиво говорил Пробкин, – будь он неладен!.. И смердючий же он, этот козел, а куда денешься?.. – Иван Фомич хрипло, как-то пропито рассмеялся, и его плоские, словно приклепанные с боков щеки с висячими, дряблыми складками заходили в тряске. Смех перешел в надсадный кашель. Он побагровел, глаза налились кровью и подвыкатили слегка из орбит. – Труха из его сыпется, из этого «козла», чтоб он сдох раньше, чем родился! – Пробкин отер пухлой, сильно морщинистой, какой-то коричневого цвета ладонью выступившие от смеха и кашля слезы. – Вот так, парни...

Слушавшие его ремонтники имели невеселый вид. Все они понимали, что Ванек «закидывает удочку», делает прощуп и одновременно готовит, подводит будто ненароком к самому худшему. А то ведь, чего доброго, и заупрямиться могут. Тут дело такое... Скажут: кто палил активную зону, тот пусть и «козла» тащит.

А кто палил? Мальчишка палил, СИУРишка, молокосос еще. Физик, конечно, но... Раз уж дело дошло до ядерного «козла», тут нужны и волки ядерного ремонта.

Пробкин хитрил дальше, незаметно, но очень внимательно и цепко вглядываясь в лица соратников по нелегкому ядерному делу, и видел, что они еще не готовы. Мозгуют. Тени все в глазах да по лицам шмыгают, да...

– «Козлища» не так уж и велик, – продолжал Пробкин, – всего двадцать пять топливных сборок. Да... Двадцать пять технологических канальчиков... Чик-чирик! Резанем, вскиданем, и вся говоруха... Эх-хэ-хэ!.. – вздохнул Пробкин.

Его уже начинало раздражать молчание подчиненных. И вдруг, ощутив внезапно подступивший гнев от мысли, что все так медленно идет и может сорваться, резким, приказным голосом сказал:

– Ну что, орлы?! Сопли жуете?!

– Чего жевать, – угрюмо сказал худощавый, какой-то весь вытянутый мужик лет сорока, с удлинненным лицом, плотно обтянутым сероватой блестящей кожей с коричневыми пятнами возле ушей и у волос на лбу. – Ты, Фомич, знаешь нас давно...

– Знаю! – твердо и с каким-то только ему удававшимся подчеркнутым уважением сказал Пробкин. – Очень знаю!

– То-то же... Но ты скажи вот что: сколь еще бэры (биологические эквиваленты рентгена) хлебать будем? Оно ведь потихоньку и надоедать начинает.

– А ты вот их спроси! – задиристо сказал Пробкин, весь вскинувшись и ткнув указующим жестом в потолок.

– А чё нам спрашивать?! Ты начальство, ты и спрашивай.

В этот миг Пробкин понял, что Дима (так звали тощего ремонтника с удлинненным лицом),

что называется, готов и возражать не станет, хотя еще, может, и будет огрызаться для проформы.

А Дима и впрямь, ощутив в себе какой-то душевный сдвиг, внезапно заволновался и, похоже, теперь только для виду, излишне горячась, заговорил:

– Сколь уж, Фомич, «козлы» грызем? Пора бы и кончать... – И запнулся, и залился густой краской, и, не выдержав испытующего взгляда старого мастера, опустил глаза.

– Ну и кончай! Кто тебя держит? – подначил Пробкин. – Лет пятнадцать, а то и больше, ты уже отбарабанил в грязнухе, пенсия в кармане... Ну и топай в пасечники.

Дима еще сильнее покраснел, больше не возражал и, чувствовалось, был уже в рядах Пробкина.

Почувяв, что в его полку прибыло, Иван Фомич несколько спокойнее продолжил:

– Ну, а ты, Федя, что молчанку гнешь? «Козел» уже блеет, а ты никакого интереса?

Федя вспыхнул:

– Как посмотрю я, Фомич, уж больно ты шустер, крутишь все... Нет чтобы напрямки: так, мол, и так, хлопцы, осточертело мне это дело, как и вам... Ну и давайте, что ли, последний раз дерганем... А то... Дипломата изображаешь... А мне вот! – Федя рубанул себя ребром ладони по горлу. – Все это ядерное хлебово... В костях сидит... Захочешь – не забудешь... Порой так скрутит, хоть волком вой от боли в ногах.

Разрядившись таким образом, Федя немного сник. Побелевшие было в гнев глаза его потемнели до глубокой голубизны. Асимметричное мясистое лицо, искаженное мгновенной яростью, обмякло, и стало отчетливо видно, что правая щека у него совсем худая и плоская как бы, а левая, с мощными желваками, вздулась.

Лет восемь назад при выполнении работ с захватами кассет его ударило длинной стальной штангой по правой щеке, вышибло шесть коренных зубов, и с тех пор он никак не наладит себе протезы, жует левой стороной, оттого и развилась у него в лице такая асимметрия.

– Если только хочешь знать, Фомич, я решил завязывать. На кой мне все это? А? На кой?..

«Начал рассуждать, – заметил про себя Пробкин, – стало быть, размякает... Размякай, размякай, Федя. Нас четверо, стариков, осталось. А молодых беречь мы должны. Им еще детей плодить. Однако ж им достанется тож... А куда деться?»

Думая так, Иван Фомич не испытывал раскаяния ни перед собой, ни перед сидящими рядом товарищами, ни тем более перед молодым поколением атомных ремонтников.

Крепко замешенный на ядерном деле, он плохо представлял себе, что будет делать на пенсии, если дотянет до нее, и очень смутно вспоминал себя того, доатомного, удивляясь порой, как это он мог жить тогда, занимаясь, по его нынешним представлениям, пустяками, – был трактористом, пахал землю, сеял...

Важность нового дела – вот что ошеломило его еще тогда, когда он впервые появился в зоне строгого режима. И эта значимость, огромные деньги, отличный харч – все это сразило в те давние годы крестьянина Пробкина наповал, и он стал преданным работником нового дела.

Крепко проспиртованный, простреленный нейтронами и гамма-лучами, не единожды умытый радиоактивными водами, он постепенно превратился в человека, одержимого манией чинить, исправлять, заставлять бесперебойно работать, работать, без усталости работать ядерные установки, и та, в последние годы все большая, душевная и физическая усталость, какая-то сумеречность сознания порою (тоже следствие облучения), когда казалось, он будто жил и не жил, не останавливали его...

«Реактор должен работать!» – вот та главная, чуть ли не единственная формула, двигавшая им.

Порою он чувствовал, догадывался, что жить-то ему, пожалуй, осталось недолго. Но это чувство еще более усиливало в нем торопливость, стремление сделать быстрее то, что еще можно успеть сделать за отпущенный ему срок.

Он смотрел на Федю сейчас, почти не слушая, о чем тот говорил. Мозг Пробкина опускал все малозначащее, не касающееся дела, но зато все, касающееся работы, схватывал тут же и реагировал моментально.

И все же, при всей своей твердости и целеустремленности, безжалостности к лентяям и маловерам, Иван Фомич видел, что старая гвардия сдает. Сдает...

Довольно частая нехватка дыхания, которую он замечал за собой в последнее время, вновь

ощутилась теперь. Он сделал несколько глубоких вдохов, на последнем только испытал какую-то болезненную удовлетворенность, и в нетерпении прервал Федю:

– «На кой! На кой!..» Тоже мне, закудахтал... «Не хочу!» – так и скажи прямо. Я, Федя, между прочим, правду-матку обожаю. – И с надеждой подумал, что у него еще есть в кармане «хороший стимул» – деньги и спирт, аварийный, так сказать, фонд, выделенный руководством электростанции начальнику цеха централизованного ремонта для использования в интересах дела. По полторы тыщи рублей на нос, кроме зарплаты, и по трехлитровой канистре спирта-ректификата каждому, кто примет участие в работе непосредственно в реакторном зале и в подаппаратной зоне, где самое главное дело и будет.

Фомич туда еще не ходил, но дозиметрист доложил ему, что в помещении нижних водяных коммуникаций гамма-активность достигает одного-двух рентген в секунду, то есть четырех, а то и восьми тысяч рентген в час.

Жарко! Ничего не скажешь... Но дело есть дело, реактор должен работать, и он, Пробкин Иван Фомич, сделает так, чтобы все было путем.

А уж что касается «хорошего стимула» (денег и спирта), то перед ними ни один еще ядерный ремонтник, известный Пробкину, устоять не смог. Но дело тут, конечно, не только в стимуле... Не просто ведь за-ради денег трудились они все эти тяжкие годы?.. Назови это как хочешь – аккордная оплата (сделаешь – получишь), фонд начальника цеха или просто материальное стимулирование, все равно рабочей гордости это не умалит и главным в работе никогда не будет. Что же касается спирта, то в атомном деле ему отводилось место особое. Спирт не просто опьянял и блокировал страх перед радиацией. Он и защищал, на время связывая собою свободные радикалы молекул в клетках человеческого организма, не давая им тем самым необратимо «окультячиться»... Пошло это еще с первых лет ядерного штурма, когда никаких других протекторов медицина не знала. Да так и вошло в привычку.

– Не хочешь, стало быть?! – воинственно поглядывая на Федю, сказал Пробкин, вложив в интонацию много скрытого смысла, что можно было прочесть примерно так: «Не хочешь – как хочешь... Дело хозяйское... Только потеряешь ты немало, дорогой Федя...»

Пробкин заметил, что, когда горячился, слабое пока еще удушье не так здорово беспокоило его, а порой и вовсе не ощущалось.

– Не хочу, – как-то вяло выдавил из себя Федя, но в голосе его Фомич не услышал ни уверенности в правоте, ни твердой, окончательной решимости.

«Додавим...» – подумал Пробкин, обращая свой взор к третьему – Ваське Карасеву.

Уж в ком-ком, а в Ваське Карасеве Иван Фомич не сомневался. Вот уж про кого точно можно сказать: «Мал золотник, да дорог!»

Никакого никогда сопротивления не оказывал, хотя и маломерок, ни дать ни взять. Коротыш да худющий. В чем только кости держатся. Но жилист, от дела не оторвешь. Умный на руку человек этот Вася Карасев. Сообразительный. Башка громадная, белый чепец всегда мал и на вихрах светлых сидит сверху, больше для бутафории. Лицо широкое, плоское. Приплюснутой нос. Взгляд всегда вопрошающий, даже пытливый. Порою как бы соображающий что-то, углубленный в себя.

Все бы ничего, да только все время, сколько его знает Пробкин, мучается Вася глазной болезнью. Веки всегда красные, глаза слезятся. И уж что ему туда доктора ни капают – без толку.

Может, от всей этой атомной атмосферы, от вонючего духу атомного болезнь, кто знает.

Перед началом любой неплановой работы Вася обычно бросал свою любимую присказку:

– Мы любим гроши да харч хороший!

Но Пробкин знал, что меркантильное условие это носило формальный характер, ибо в особо сложных случаях Карасев шел на дело без всяких условий, работая не за страх, а за совесть.

Теперь же он сидел, растерянно поглядывая по сторонам, и помалкивал. То ли соображал, сколько запросить, то ли еще что. Но помалкивал. Пробкин оценивающе смотрел на Васю, сбитый с толку его необычным поведением. Сказал осторожно, с прощупом, будто полуспросил:

– Чтой-то я не пойму тебя, Карась...

– А что понимать? – сказал Вася незаинтересованно, равнодушно поглядывая по сторонам. – Дело, вишь, нешуточное. Эдак и задумаешься. Внизу-то жарит – не захочешь. Тысяч пять рентген небось. Это ж тебе почти что ядерный взрыв... А? Фомич?.. Куда ж ты нас толкаешь? На погибель верную? А?

Тон Васиного голоса нравился Пробкину. В нем слышалась возможность конструктивного подхода. И вообще нравился Фомичу этот Вася – человек на все случаи жизни. Побольше бы таких! Оно и то верно. С таким народом все одолеешь, все сотворишь.

Глаза Пробкина наполнялись теплом. Он уже хотел даже заговорщически подмигнуть Васе, но тот, хитро сощурясь, не дал ему сказать, продолжив:

– И просто интересно, Фомич, за какие же такие харчи ты хочешь, чтобы мы сробили это дело?

Пробкин как-то даже устало сник, огорченный, что и тут, в этом крайнем случае, может быть в последний раз, Вася остался верен себе. То ли это была подначка, то ли всерьез... Но уж лучше помолчал бы, припрятал, оставил бы этот вопрос как бы в туманном намеке. Красивей бы вышло. А то все же не вытерпел, ляпнул свое привычное...

«Ну да пускай себе. Сказал – не подумал. Прощаю...»

Пробкин вздохнул:

– Ну ладно, хлопцы. Устал я вас уговаривать. Условие такое: на бочку – по куску на рыло и по канистре спирту.

«По канистре – это я, конечно, хватил... – подумал Пробкин. – Но ничего. Излишки пустим в хозяйственный оборот цеха. На промывку радиоактивных деталей».

Полтыщи Фомич решил утаить, чтобы потом, в конце работы, удивить ребят сюрпризом.

Все трое – Дима, Федя и Васек – как-то в стеснении потупились, завозили ногами по полу, один даже стал забивать каблук выступившую из пола шляпку дюбеля. Они ведь уже и так согласились, мог бы Фомич не открывать секрет.

Заговорили все сразу совещательными, мягкими голосами, в которых ощущалась благодарность к старому мастеру за заботу и щедрость.

– Видишь ли, Фомич... Дело-то оно непростое... Тут надо думать. А то, худо-бедно, недолго и тово...

– А я и говорю, подумать надо, парни, – мягко вставил Фомич, – а то кому ж и думать, как не нам. Молокососам, что ли?

У Пробкина помягчело на душе. Легче задышалось. И он подумал: «Так бы сразу... А то... Странно люди устроены. До конца ведь не согласны, а все же пойдут. Да-а... Из-за гордости своей рабочей пойдут. Тут не только деньги в счет. Э-хе-хе! Мальчишечки вы мои дорогие!»

2

Не вставая, он протянул руку, открыл дверцу сейфа, сваренного из нержавеющей стали по его личному чертежу ребятами из ремонтного цеха. Сейф был изготовлен на совесть, ни одного острого угла, ни одной шершавинки. Все было подогнано, зашлифовано и заполировано до блеска.

Иван Фомич любил поглаживать его неколющие и нецарапающие закругленные углы и стенки, втайне удивляясь чистоте работы.

И в этой выглаженности, податливости под рукой нержавеющей поверхности сейфа чувствовалось и где-то в глубине ощущалось им почти неосознанно: «Уважают... Уважают...»

Иван Фомич достал из сейфа трехлитровую канистру из нержавеющей стали, опять же сваренную по его чертежу, коричневую и зеленую эмалированные кружки и граненый, очень толстого стекла, мутноватый стакан. Посуду эту знали в цехе давно, и доставал ее Пробкин не по любому случаю.

– Так-то, мальчики, – сказал Фомич отеческим голосом, – царапнуть надо по такому делу.

Бульдожьи щеки его с синими прожилками неровно забагровели, глаза стали мягкими, почти любящими. Он тепло поглядывал на гвардейцев ядерного ремонта, на свою бесстрашную троицу. Ведь если не считать его самого – это и все старики. Самые что ни на есть...

Он посмотрел на товарищей конфузливо и сказал:

– Сервиз неполный, братцы. На одну персону недостает. Как тут быть? А?

Это уже был ритуал. Повторялся он не единожды, и все знали, что будет дальше. Хитровато улыбались. Ждали.

Вдруг Вася Карасев сделал серьезное лицо, молча и деловито встал и, сказав: «Это мы сейчас мигом!» – скрылся за дверью и вскоре вернулся с металлическим фужером, тоже выточенным из нержавеющей стали. Серьезно глядя на Пробкина, пояснил;

– Теперь комплект. Только предупреждаю, товарищи, когда из его, блестящего, пьешь, немного пахнет железом. А так ничего.

– Ладно уж! – сказал Пробкин, взяв у Васи фужер и звучно поставив, будто припечатав его к столу. – Тоже мне брезгливый. А, мальчишки?.. Мы все железом пропахли давным-давно. Запах этот нам родной вроде, почти что хлебный, да с ядерным привкусом еще. А ты, Карась, толкуешь. Без понятия ты.

– Без понятия, – согласился Вася Карасев, садясь за стол и расставляя посуду против каждого. Себе – коричневую кружку, Диме – зеленую, Феде – толстостенный, мутноватого стекла стакан, а Фомичу – полированный стальной фужер.

По внешнему виду Пробкина чувствовалось, что он одобрил сервировку. Сказал:

– Та-ак... – Достал из сейфа большой сверток в промасленной бумаге, коричневой пергаментной бумаге. – Что у нас тут старуха завернула? – Он раскрыл сверток. – Ага!.. Тут тебе и сало, тут тебе и кусок хлеба, тут тебе и огурец. Ба-альшущий! Точно старая калоша!

Огурец действительно был огромный, старый, пузатый, с тремя глубокими продольными вмятинами и грязноватой желтизной с одного боку. От огурца в воздухе сразу запахло кисло-чесночным запахом, ароматом укропа. Ремонтники потягивали носами, глотали слюну. Шмат сала был толстый, густо усыпанный крупной зернистой солью, с розоватыми прожилками на свежем срезе и в налипших хлебных крошках. Хлеб был ржаной, ноздреватый, с густым кисловатым запахом.

– Ну, старуха, ублажила... – ворчал Фомич. В горле у него уже влажно похлипывало, взбулькивало что-то от набежавшего аппетита. Он старательно разделал огурец на тонкие продольные дольки, отчего кисло-чесночный запах стал резче и прямо-таки вышибал слюну.

Ремонтники завороченно смотрели на действия старого мастера, дергали кадыками и были полны нетерпения.

Разделав огурец и сало и разложив все на кусок промасленного пергамента, Фомич отложил в сторону охотничий нож с ручкой, облицованной оргстеклом, на которой было выгравировано: «Не забудь меня! Я тебя не забуду»...

Нож этот тоже все знали и эту надпись с пропущенной буквой, по поводу которой Фомич шутил: «Вот грамотей! Увековечил себя. Но зато сталь что надо! Не тупится. Тут суть важна, а не надпись. Сталь без ошибки...»

Однако полбуханки хлеба Пробкин не стал резать, а разломил руками на четыре равных доли и подал каждому.

– Ну вот... Так вкуснее, – вымолвил он. – Теперя можно и наливать.

Он открыл канистру. Пробка отлетела с чпоком. По носу шибануло пряным запахом чистейшего спирта-ректификата, который тут же забил собою все другие запахи.

Фомич наливал щедро. Струя спирта булькала звонко и чисто, конвульсивно дергаясь и иногда проскакивая мимо посуды на стол. Когда это случалось, Вася Карасев с торопливой жадностью смахивал спиртовую влагу со стола на корявую ладонь и очень быстро и старательно растирал себе шею сзади, приговаривая:

– Против шейного радикулиту лучшее средство.

Фомин отставил канистру в сторону, не закрыв пробку.

Карасев вскрикнул:

– Не узнаю тебя, Фомич! Какое добро испаряешь! Это же бесхозяйственно! – И, потянувшись, старательно закупорил затвор канистры, а Пробкин в это время уже держал полированный фужер и готовился произнести тост.

На лицо его что-то уже набежало изнутри, светилось, вздрагивало, и все ждали, что испекшееся, готовенькое уже, с хрипотцой слово Фомича вот-вот сойдет с губ.

Ремонтники дружно подняли свои бокалы и застыли в ожидании. Но Фомич вдруг

поставил полированный стальной фужер на стол и буднично приказал Карасеву:

– Проверь-ка, Васек, дверь заперта ли?

Карасев мигом выскочил из-за стола, туда-сюда прокрутил ключ в замочной скважине, подергал дверь.

– Все в аккурате, Фомич. Ни один нейтрон не проскочит.

Пробкин снова поднял полированный нержавеющей фужер.

– Да... – протяжно сказал он, чуть опустив глаза и устремив взгляд куда-то глубоко внутрь себя. Тонкая, вздрагивающая полуулыбка еле обозначилась в правом углу рта. Он вновь бережно поставил фужер на стол. – Да-а, ребята... Подумать только – сколь прожито! Сколь за спиной-то осталось дел, путей-дорог... Вот убейте, а никогда бы не подумал, что вот тут, на этом энергоблоке, на драном ядерном «козле», бабки подбивать будем. Да-а... – И вдруг досадливо воскликнул: – А! – резко махнул рукой и снова взял фужер.

В корявой, обструпленной ядерными ожогами руке Пробкина полированный, сияющий зеркальной стальной поверхностью бокал казался хрупкой, драгоценной игрушкой, которая вот-вот могла выскользнуть из его грубых пальцев и разбиться вдребезги.

– Пейте, да знайте меру... – вдруг грубовато пробасил Пробкин и кивнул в сторону тощего Димы. – Это особенно тебя касается. Впереди работа. Я ведь по полной налил для проформы. Эт не уйдет. Канистра-то – вот она... – Он похлопал по боковой стенке. Внутри глухо булькнула влага. – Успеется... А как защитный эффект противу нейтронов и энтих сук – Гаммы Ивановны, Бетты Петровны... Жалко только, что не мы их, а они нас... – Фомич утробно хохотнул. – Пару плоточков. Э-хэ-хэ!.. Ну, ладноть... – Фомич уже смешно закосил, свел глаза к фужеру. Подул, отогнав спиртовой дух от носа. – Ну, чтоб «козла» задрать!.. И чтоб не просыхало!

Ремонтники тоже дружно подули, отогнав от носов сильный спиртной дух, тоже закосили глазами к кружкам...

– Вдохнули! – буркнул Фомич и сделал два небольших глотка.

Вася Карасев и Федя тоже сделали по два глотка. Дима плотнул три раза.

– Хо! Ху-ху-ху! – шумно выдохнули все разом, нюхнули хлеба и захрумлили огурцом.

Пробкин сморщился, зажмурился. Лицо стало жалостным. Из глаз выдавились две слезы, очень прозрачные, и как два крохотных увеличительных стеклышка застыли на скулах. Сквозь них четко просматривалась сизоватая, огрубленная, сморщенная излучениями кожа.

Капельки вдруг дернулись, опали и растеклись по бесчисленным морщинкам, оставив чуть привлаженный и поблескивающий след на прежних своих местах.

– Ангидрид ее – в перца мать! – выругался Пробкин и отер тыльной стороной ладони глаза. Сунул в рот, всю сразу, дольку огурца, шматок сала, кусок хлебной мякоти и стал сосредоточенно жевать, будто вслушиваясь во что-то.

Его товарищи не отставали от него. Широкое лицо Васи Карасева стало еще шире, лавсановый чепец съехал с макушки на затылок, щеки вздулись, умещая пищу. Воспаленные, сильно красные и мокнувшие веки его несколько сощурились, но из-за этих израненных век смотрели неожиданно бойкие и цепкие карие глазки, в этот миг тоже несколько задумчивые.

Федя сидел прямо, будто шпагу проглотил. Жует левой стороной челюсти. Желваки перекачиваются. Справа щека плоская, желваки «молчат». Тоже задумчив.

Дима ест плохо. Грызет без аппетита конец огурца, посасывает шматок сала, закидывает в рот крошки хлеба, прилацывает зубами, ерзает на скамье. Иногда делает дугообразные нырки головой и выдавливает из себя:

– Нейтрон его в корень!

– Чем недоволен, Дима? – настороженно спросил Пробкин. – «Козла» материшь?

Дима чуть нахмурился, изобразил на лице деланный гнев, сжал челюсти, враз обеими кулаками ударил по столу.

– Я эт-таго «козла», Фомич... – истово сказал он и громко, надсадно засопел носом.

– Ну ладно, ладно! Пить больше не дам. И так нутро зажарило, будто кусок огня туды швырнули.

– Ага! – сказали враз Вася Карасев и Федя. – Теплота чуйствуется.

Жар из нутра вскоре перебрался в голову. Воздух в комнате потеплел, сгустился. Пространство обузилось.

– Ну ладно, ладно! – повторил Фомич, которому не нравилась возбужденность Димы. – Шустер больно... – Он открыл пробку, взял Димино кружку с недопитым содержимым и слил спирт в канистру.

Ту же операцию вслед за ним проделали Федя и Вася. Пробкин закрыл канистру и поднял свой полированный стальной фужер:

– Ну, мальчики, от этого не окосеем. По глоточку вкруголя.

Все сделали по глотку, а Диме досталось два глотка. На этот раз он закусывал основательно, слегка, подвытаращив в задумчивости налитые кровью глаза.

– Я, Фомич, эт-таго «козла»... – сказал Дима, преданно глядя на Пробкина и продолжая уминать свою долю закуски.

Фомич обмяк, глаза завлажнели. Давно уже заметил он, что слабее стал. Пьянеет быстро от малого количества спиртного. А раньше-то, в былые молодые годы. Эх-х!.. То, что было, то уплыло. А теперь с фактом надо считаться.

Он опять вдруг ощутил, как перехватило в груди, не болью, нет. Дыхания не хватает. Бес его!.. Вдохнешь – а там будто не легкие, а так. Пустое место... А хороши ребятки! Хороши...

«Люблю я вас, мальчики!» – мысленно сказал Фомич, придирчиво оглядывая каждого и не находя изъянов. В сердце потянуло от волнения, и он вдруг дернулся, будто от икоты.

Да-а... Всем вышли парни. И трудолюбием, и хваткой, и добросовестностью, и бесстрашием, и... преданностью.

Слезы заискрились в глазах Фомича, скатились и враз исчезли, будто в промокательной бумаге, в бесчисленных морщинах щек. Он бросил дряблые, старые руки на стол, расслабленно откинулся назад, посмотрел куда-то поверх голов ремонтников, будто сквозь стену – вдаль – своими бледно-голубыми, увлажненными еще слезой глазами, дернул головой, словно стараясь отогнать беспокоившее его видение.

Ремонтники робко завозились на скамье, кончили жевать и уважительно притихли. Все знали, что Фомич снова, в который уже раз, расскажет историю про сазана с Черного озера, историю из того далекого времени их сибирской героической работы.

– Вот сколь уж живу после того случая, мальчики, а из памяти нейдет... Будто не он, сазан тот лысый, на крюк угодил, а я, Иван Фомич Пробкин, собственной персоной... Да-а...

Он опустил голову, спрятал глаза, достал носовой платок и трубно высморкался. Щеки у носа и сам нос стали красновато-ржавыми после этого. Заодно незаметно Пробкин и слезу попутную отер платком. И лицо показалось после этого заплаканным, только что тщательно вытертым от слез.

– Чухна... Был там у нас внешний дозик Чухнов. Я его просто Чухна звал... Бывалоча, скажешь, ну, Чухна, взял бы на охоту ль, на рыбалку. А то все, мол, сам промышляешь... Он и впрямь был какой-то чухнистый. Все молчком, молчком, обкумекивает чего-то... Счас-то мне ясно, о чем он кумекал. Да-а... Так вот и живут люди... Одни всегда умнее и знают больше, а другие – дураки, как мы с вами. Вот таки каки.

В дверь требовательно постучали. Сильно дернули за ручку. Послышался треск. Ремонтники от неожиданности как-то распрямились даже.

Но Фомич вдруг гаркнул, хотя и налил от смущения малиновой кровью:

– Ступай, ступай! Оперативка! Скоро будем.

За дверью постояли, недовольно пробурчали что-то, и вскоре слышались удаляющиеся, шлепко пришаркивающие по пластику шаги.

И все же Пробкин ощущал некоторую неловкость. Темп и настроение рассказа были сбиты. Он потарачил туда-сюда налитыми кровью глазами, попыхтел, будто изгоняя из себя смущение, наконец овладел собой и продолжил, правда, не тем поначалу голосом, слегка подостывшим, будто сникшим, но постепенно набрал знакомую всем интонацию и хриплость, в горле у него побулькивало, то и дело проскакивал влажный стреляющий кашель, похожий по звуку на удары кнута...

– Ну вот... Однажды чухляндия встретил меня, хитро так поглядывает исподлобья, а глаза холодные, коричневые, чухнинские... Хошь, говорит, Вань, поглядеть, какие поросята в нашем ХЖО (хранилище жидких радиоактивных отходов) водятся?.. Это, то ись, в хранилище жидких отходов, в которое превратили огромное Черное озеро... Чистейшее, я вам скажу, мальчики,

озеро было когда-то. Да-а... Озерную воду прокачивали через плутониевую активную зону и возвертали назад. Небось помните... Эту рацуху внедрили у себя другие родственные объекты. Озера-то они впервые задействовали на охлаждение реакторов. Им и честь, правда... – Фомич сделал дурашливое выражение на лице и прыснул. Мол, сами себя накололи и радовались. – Внешние дозы времени округа обследовали. Брала пробы там, анализы... Не! Без понта, заезжали они далеконочко, бывало же – попадалось и чистенькое. Вроде как дармовщинка... Штраф не грозил. Рыбохраны не было. А на Черном-то озере активность воды все росла и росла.

Участили чухонцы отбор проб, вылов живности. Да-а... Травушку-муравушку там, листочки-веточки... Чтобы знать, скоко живое радиоактивности в себя накопило.

Приехали, значит. Озеро – красотища! Тишина, лес по берегам. Санатории бы там строить... Но сосна уж тогда кой-где осыпалась, кора ржаво всшелушилась. Не те соки в земле. Деревья не дураки. Не то что мы с вами...

Тошновато стало чтой-то мне... Тишь кругом. Мертвость... А тут Чухнов сазана подцепил, подвел к берегу, приослабил леску. Я и обомлел... То была не рыба – свинья, ей-богу! Агромальный, он плыл медленно, кругами, переваливаясь с боку на бок. Будто неустойчивость у него. Пояснил Чухна. Лучевая, говорит, болезнь у него. От нее и пухнет... Да-а...

Выволокли мы его на бережок, а у него, бедняги, и чешуи нет. Облысел... У него ж чешуя – что у нас волосья... Лысый, стало быть, сазан... А глаза карие, дурные, выпученные. И по морде рыбины видно – болеет она, страдает... Чухнов поднес к сазану радиометр и отскочил. И мы отскочили... От него как от нейтронной бомбы светит... А бока его гладкие вздымаются, как бы дышит он. Зеркальные лысые бока переливчато посверкивают на солнышке, и ротик, ротик так жалобно искривляется, нервно так, будто пощады просит, будто жалуется на судьбу свою нескладную.

Стоим мы ошалелые. И жалко же, жалко рыбину. Прямо так жалко, хоть вой... А сколь ее в том озере? Как в атомном лазарете... Агроманное скопище больных лучевой болезнью... А сколь подошло?

Стоим, а тут откуда ни возьмись ворон подмахнул. Чернющий, зараза, как южная ночь. Присел в двух метрах от сазана и пошкандыбал. И тож. Пошатывает, гляжу, вещуна... Подковылял, вспрыгнул на зеркальный бок и стал дырывать клювом живую еще рыбу.

Ах ты, думаю, собака! И дуплетом в него. Из обоих стволов сразу. Только пух да перья черным дымом. И сазана размозжил... – Фомич жестко закашлялся, до слез, потом долго отирал платком глаза и дряблые щеки. Лицо его снова стало каким-то жалобным, будто только что после слез. – Видение-то осталось. Вот так... Пух да перья... Черный дым и размозженные ошметки сазана... И нервный ротик рыбины, молящий о судьбе своей... А то думка такая – эт он просил, чтобы пристрелил я его, избавил от муки. А?..

– И разжалобил ты нас, Фомич... – вздохнул Вася Карасев и вдруг распрямился. – Так на работу не подымеешь. Эх, сазаны мы, сазаны!.. – засмеялся Вася, и его воспаленные веки еще более завлажнели.

Лицо Фомича вдруг подобралось, посерьезнело. Ему показалось, что его гвардейцы будто расслунявились, обмякли. Не ко времени это он про сазана вспомнил. Тут ядерная активная зона расплавилась, ждет их геройского труда, а он, старый дурак, слюни распустил.

На столе звякнул телефон. Фомич приподнял и зло бросил трубку на аппарат.

– Разобьешь... – сказал Федя вяло и как-то безразлично надул левую щеку, отчего лицо стало еще более асимметричным, напоминая ущербную луну.

Слушая Фомича, он со злостью думал, что вот Пробкин сам и попался, сам себя и загарпунил. А то... Агитирует за советскую власть.

Захмелевший Дима то тише, то громче повторял:

– Нейтрон его... – и с силой то сжимал, то разжимал кулаки.

Несоответствие своего рассказа всему характеру обстановки все более наполняло Ивана Фомича раздражением. Он неожиданно задергался, заерзал, стал сгребать, сдвигать на столе остатки пищи, посуду. Раздраженно крикнул вдруг на Васю:

– Ну что, Карась, перекур устроил?! Быстро убери!

Вася Карасев без единого слова, чуть только покраснев, мигом все прибрал, сунул посуду

и канистру со спиртом в сейф, щелкнул ключом и вручил его Фомичу:

– Ты уж береги ключик-то... Почитай, золотой он, ключик-то...

«Издаются, черти...» – мелькнуло у Фомича.

И впрямь ведь что-то изменилось. Моральный перевес был теперь на стороне его ядерных гвардейцев.

– Теперя слушай мою команду! – сказал Фомич после недолгого молчания, напустив на себя начальственный вид. – Да открой же ты дверь! – рявкнул он вдруг на Васю Карасева. – Мы, чай, не секретничаем здесь, – и подмигнул всем, и растянул рот в улыбке, – а то....

Вася послушно встал, чвакнул пару раз ключом в замочной скважине. Проверив, открыл и снова захлопнул дверь.

– Ну, бляха-муха! Жалко же этого караса! – вдруг ляпнул Дима.

– Эт меня, что ли? – спросил Вася Карасев.

– Да не-е, сазана... – сказал Дима серьезно. – Рыбину эту больную...

– Я тебе дам – сазана – дружелюбным тоном пригрозил Фомич, которому показалось, что неловкость, вызванная его рассказом, вроде бы стала рассеиваться. – Я тебе дам – сазана! Хиросиму забыл?.. Советская атомная бомба – она ведь, понимаешь... Ну, как это?... Неизбежное зло, то ись... Великая наша боль в ней... Что там рыбина... Над всей Россией угроза висела... – И, помолчав, добавил: – И все-таки груз тяжкий на душе лежит... Не могу вот и все, как вспомню... – И вдруг, будто отмахиваясь от самого себя и упрямо нагнув голову, перешел на деловой тон.

3

– В центральном зале, мальчики, РЗМ (разгрузочно-загрузочная машина для перегрузки уранового топлива) готовит нам работку... Кассеты-то, ТВЭЛы (тепловыделяющие элементы) то ись, растрескались, во все стороны, растопырились, особенно в главном центральном «козле»... В стенки технологического канала уперлись. Ядерная труха, осколки то ись, осыпалась вниз. И в «гусак» (изгиб трубопровода в нижней части канала), там, внизу, под активной зоной, скопились. От них и светит, как от ядерного взрыва. Но это второй этап нашего с вами героизма. А первый – это в центральном зале...

Как только разгрузочная машина остатки урановой кассеты из центрального «козла» зацепит и потащит вверх, тут уж ядерная труха посыпется на пол центрального зала... Опять же как бы ядерный взрыв, но уже будет тут, прямо на полу. А мы его, гада, по очереди в морду из трансбойда, мощной мониторинной струей пожарной воды будем смывать то ли под плитный настил, то ли в бассейн выдержки, куда РЗМ потащит остатки урановой кассеты. Эт уж как выйдет. Тут, главное, надо без мандража, чтобы без кукареку, то ись чтобы очко не играло и так далее... Четкость! В том наше спасение. А дуракам, как говорится, закон не писан... Ревуны реветь будут как стадо быков, но рты на это не разевать и внимание не рассеивать... – Фомич перевел дух и стер рукой пот со лба. – Быстрота и натиск! А? По-суворовски – и в дамки.

Федя глядел на Ивана Фомича просветленными глазами:

– Вот смотрю я на тебя, Фомич, и только диву даюсь... Откель в тебе прыти столько?

Фомич косо глянул на Федю.

– Откуда, говоришь? – И, налившись кровью, сказал: – От едрени-фени! Не сбивай меня, Федя, на эмоции. Дело пошло! Двадцать пять раз так будет, мальчики... РЗМ туда-сюда... Двадцать пять ядерных взрывов... А наше с вами главное дело – ликвидация центрального «козла». А как в реакторном зале покончим, далее – вниз, под реактор. Там уж тележка дожидается. Каркас на колесах, а на нём свинцовый лист... Пока все! Остальной инструктаж на местах, в зоне более интенсивного ядерного взрыва. Пошли, герои!

Было видно, что Фомич воодушевился, слова «ядерный взрыв» повторял излишне часто, как бы подбадривая тем самым себя и подчиненных, что-де, мол, не зряшнее дело делать будут – атомный реактор в строй введут. И молодых ремонтников от облучения прикроют. Им еще жить, детей родить...

Все это в голове у Фомича мелькало, ободряло, придавало сил. И так было всегда. И так будет, знал он, до самой его гибели.

Все четверо встали и вышли из каморки ремонтного мастера. Прошли в коридор деаэрационной этажерки. В белых лавсановых, не первой свежести, комбинезонах, в белых чепцах. Все в бутсах. Шли не спеша, основательно, с чувством собственной значимости, слегка при шаркивая по пластикату.

Шли в сторону блочного щита управления. Маленький, головастый Вася Карасев, комбинезон на котором был велик не по росту. Особенно сильно топорщился на зад, делая фигуру смешной и несуразной, но все же не скрывал площади его тела. Длинный, тощий, мосластый Дима, комбинезон был ему коротковат, и штанины натянуто обрывались много выше щиколоток. На ходу он нервно подергивал плечами, как ножки циркуля переставляя прямые ноги, отчего весь корпус его слегка покачивался из стороны в сторону. Мощный, атлетического сложения Федя, чуть сутулый и со спины похожий на большого белого медведя, вставшего на задние лапы, шел размеренной, не шаткой походкой, и плавные складки на его лавсановом, чуть небрежном костюме переливались, словно шкура зверя, отяжеленная жиром.

Старый мастер Иван Фомич Пробкин шел чуть впереди, среднего роста, заматеревший, прямой, как обрубок толстого бревна, с выпирающим животом, в тесноватом и сильно натянутом в пахах и на зад лавсановом костюме. Слегка откинута назад голова и контрастные бульдожьи складки на буроватого цвета лице придавали его облику вид властный и решительный.

Передвигался он плавно, мелкими быстрыми шажками, и во всей фигуре его чувствовалась неприостановимая жажда деятельности. На ходу он пыхтел, дышал шумно, с хрипом, посверкивая по сторонам цепкими хозяйскими глазками, придирчиво осматривая все вокруг.

У входа в помещение блочного щита управления атомной электростанцией Фомич приказал, хрипло прокашлявшись:

– Вы тут, братцы, постойте, а я проведу... как ее... – он смущенно хехекнул. – Рескогносцировку? Так? – и тут же сморщился. – Хоть убейте меня, мальчики, а вот не могу переносить этот холодный энергоблок, его пластиковую вонючую тишину.

– Послал бог работку! – буркнул Дима, потирая руки. – Твоя правда, Фомич. Скорее проводи росгосциновку. Руки чешутся...

Похохатывая, Фомич дружески похлопал Диму по костлявому плечу, как добрую лошадку, которая не подводила.

Красные, мокнувшие глаза Васи Карасева были пытливо ожидающими. Он сунул руки глубоко в карманы и натянул комбинезон вниз. Площина груди обозначилась четче, а штанины сморщились в гармошку.

– Пенек поддерживаешь, Карась? – хрипло, с прострелом засмеялся Фомич и хлопнул Васю по вспузыренному на зад лавсану. – Тьфу ты! – шутиливо выругался Фомич. – Думал, тут окорока, а у тебя, Карась, форменный наждак. Всю руку ободрал.

Вася притворно взвизгнул и отскочил в сторону, потирая задницу.

– У, ёк-макарек, Фомич! Лапа у тебя отцовская. Пить дать – фингал подвесил...

Федя стоял сутулый, с покатыми плечами. Огромные, мощные руки повисли в нерешительности и будто ждали приказа. Асимметричное лицо его было угрюмым.

Фомич зыркнул на него подозрительно, но ничего не сказал и по спине не стал похлопывать.

Подумал только, что Федя ближе к делу мрачнеет, стало быть, злее будет в работе.

Он скрылся за дверью.

Войдя на блочный щит управления атомной электростанцией, он весь как-то переменялся, остановился нерешительно, поджидая, когда освободится начальник смены АЭС, делавший запись в оперативный журнал.

Соприкосновение с атомными управленцами всегда несколько смущало Пробкина, на лице его невольно появлялась какая-то заискивающая улыбочка, голос приосаживался, становился почти ласковым.

Вообще-то он уважал атомных управленцев. Дело у них, что ни говори, сложнее. Одним словом – «белая кость», аристократы атомной технологии. Себя же и своих гвардейцев Фомич причислял к «черной кости», но о рабочей гордости своей никогда не забывал,

всепроникающую нужность свою чувствовал постоянно, и ощущалось это даже тогда, когда он невыгодно для него самого преображался внешне в несвойственной ему обстановке.

«Белая кость, белая... а активную зону спалили... И теперь без нас, черной кости, – ни гугу...» – думал он, осматривая приборы блочного щита управления и отметив про себя некоторую вялость в фигурах операторов.

Блочный щит управления, как и вся атомная электростанция, «молчал», и это действовало удручающе. Работал только телевизор, вмонтированный в центральную панель щита операторов. На голубом экране четко был виден плитный настил реактора.

«А вот и РЗМ подкатывает, – обрадованно узнал Пробкин знакомую картину, – выруливает на координаты разрушенной урановой кассеты...»

Мощный цилиндрический защитный контейнер РЗМ, внутри которого находился скафандр с инструментом, слегка вздрагивал при движении.

«Хитрое устройство этот скафандр! – всякий раз, думая о нем, радостно удивлялся Иван Фомич. – Он тебе и разуплотняет технологический канал, и стыкуется с ним, и вытаскивает отработавшую урановую кассету, и тут же вставляет свежую, и уплотняет канал. И все это может делать при работающем реакторе! Хитрая машина!..»

И хотя с некоторых пор он досконально проник в тайну этого устройства, поскольку своими руками, с помощью, конечно, своих удалцов, разобрал, отремонтировал, собрал и наладил этот агрегат, все равно какая-то сверхъестественность его возможностей продолжала удивлять.

– Ну, белая кость, здорова! – мягким, заискивающим голосом сказал Фомич, заметив, что начальник смены кончил писать. – Когда начинать будем? Мои орлы уже в нетерпении. Рвутся в бой!

Начальник смены АЭС Изюмов, бритый наголо, в лавсановом костюме, но без чепца, встал и подошел к Пробкину.

– Здорова, Фомич! – Во всем облике начальника смены была какая-то удручающая печаль. Большие черные глаза смотрели на Пробкина несколько виновато. – Белая, говоришь, кость? – Изюмов вяло улыбнулся. – Сейчас, Фомич, ты – белая кость, самая что ни на есть. Без тебя хоть вешайся... – сказал он, внимательно вглядываясь в старого мастера.

Пробкин покраснел от смущения, стушевался, глаза как-то беззащитно забегали. Не часто его в жизни-то хвалили.

«Приятно это бывает, приятно... Да-а...» – подумал Фомич и крепче обычного пожал в ответ руку Изюмова.

Начальник смены был подчеркнуто уважителен.

– Вот, Фомич, видишь? – Изюмов подвел его поближе к экрану. – Думаю, через час состыкуемся и потянем. Но легко сказать... Топливная урановая сборка деформировалась, разрогатилась в канале. Потянешь – начнет драть стенки канала. Ядерная труха вниз посыплется, в «гусак», но и наружу, на пол центрального зала, будет сыпаться, когда скафандр потянет ее в себя. Вот тут твоим орлам придется покумекать.

Фомич слушал с серьезным лицом. Глаза задумчиво смотрели на экран телевизора.

«Покумекаем... – думал он с грустью. – На пол-то упадет не просто ядерная труха с активностью атомного взрыва, там будут еще куски ТВЭЛов (тепловыделяющих элементов)... Каждый из которых – что твоя нейтронная бомба...»

Изюмов вдруг глубоко заглянул в глаза Фомичу и тихо спросил:

– На какую сумму выписали аккордный наряд?

Фомич махнул рукой. Этот вопрос его особенно не интересовал, был как бы само собой разумеющимся. Главное для него – работа! Это главное.

– Да так... По полтора куска... И спирт для профилактики...

– Проси больше... Уступят... Фомич снова смущенно махнул рукой:

– Да куда нам... Да ладно...

Изюмов как-то странновато посмотрел на старого мастера.

– Зря это ты... – тихо сказал он, подошел к столу, взял заполненный и подписанный директором наряд-допуск. – Вот тебе наряд... Петрович подписал... Видишь – по пять рентген на нос... Годовая доза... Но сам понимаешь...

То, что наряд-допуск подписал директор, или, как его все уважительно звали, «Петрович», обрадовало Ивана Фомича. Он-то хорошо знал, что подпись эта – результат их недавней дружеской беседы...

Любил Пробкин своего тезку, старого директора Ивана Петровича Булова. Вместе с ним работали в период ядерного штурма там, за хребтом, когда первую атомную делали... Самоотверженный, бесстрашный мужик... Уж насколько бывалый в ядерном деле сам Пробкин, а перед Буловым и сейчас смущение испытывает. Хотя они с ним друзья и на «ты». Один Фомич на АЭС и называет Петровича на «ты». Да имеет на это право. В самом огне они вместе варились, все издержки лихого ядерного дела на свое здоровье списали. Мно-ого их было, таких Буловых да Пробкиных... И теперь вот самое тяжкое старая гвардия должна взять на себя. А молодым после них, может, и лучше будет.

Вызвал три дня назад Булов Пробкина. Дружески обнял. Усадил. А сам от окна к стене прохаживается. Крупный мужик. Голова большая, гордая. Совсем седой. Лицо отекшее. И руки... Как-то он их странно держит. Будто только что обжег ладони и теперь держит на весу, как бы дует на них...

У Ивана Фомича одна ладонь обструплена и оголена до голого мяса ядерным ожогом, а у Петровича – обе. А с недавнего времени левая рука сохнуть стала.

– Ну, Фомич, – Булов остановился рядом и положил свою горячую руку на плечо Пробкина, – снова нам доля выпала...

– Да, Петрович, выпала... – сказал Фомич, с любовью глядя на старого товарища.

– Понимаешь, нижнюю ремонтную машину конструируют сейчас на опытном заводе. Даже образец сделали. Но что-то не идет пока. Придется мастерить самим на скорую руку...

Булов вдруг взял стул и сел против Фомича.

– Нам с тобой, Ваня, друг от друга скрывать нечего. Кроме нас двоих да бывалых гвардейцев из твоего цеха, посылать на это дело никого не могу. Не имею морального права... Давай договоримся так: ты со своими орлами выдираешь центрального «козла», я руковожу ликвидацией остальных. Лады?

– Об чем речь, Петрович?... – мягко сказал Фомич, ощущая плечом через лавсан тепло директорской руки. – Все сделаем в лучшем виде...

– Но учти... – Булов пытливо заглянул в глаза Пробкину. – Будет перебор дозы. И большой... А я имею право подписать только пять рентген. А?..

– Да я же все знаю, Петрович... Все знаю... – растроганно сказал Пробкин. – Наверх-то это не объяснишь...

– Да... – сказал Булов, пряча повлажневшие глаза. – Если не мы с тобой, тогда кто ж? Молодые?... Жалко... Понимаешь, где тонко, там и рвется. Не успевают с ремонтной машиной. И дело не в том, что наверх не объяснишь. Там ведь тоже такие, как мы с тобой, есть. Но есть и порядок вещей, понимаешь... И не мы его с тобой придумали, и не они... История... Мы ведь не только энергию отпускаем... Вот такие дела... А у нас с тобой, Фомич, опыт громаднейший. Видишь?... – Булов подмигнул Пробкину отеком веком и повернул вверх ладони. В глубине обструпленных ран, под белесоватой пленкой, краснела живая плоть...

Фомич бережно тронул своей корявой рукой горячую руку директора.

– Спасибо, Ваня... Я знал... – растроганно сказал Булов. – Подписал тебе и твоим орлам аккордный наряд по полторы тыщи на брата. Это все, что я могу... Конечно, не в деньгах тут дело, но... Труд-то есть, и огромный... – Булов помолчал. – Спирт возьмите сколько нужно для дела, но не злоупотребляйте.

– Будь спокоен, Петрович, все будет путем.

– Спасибо, друг... А уж сколько получим рентген, это все будет наше. И с нами уйдет... Я уже чувствую ее... Скоро...

И вот теперь, принимая из рук Изюмова наряд-допуск и внутренне усмехаясь какой-то испуганной настороженности начальника смены, который уж очень нажимал на последнюю фразу: «Годовая доза... Но сам понимаешь...» – «Понимаю... Что уж там... – улыбнулся Фомич. – Тут уж, дай бог, двумястами обойтись».

– Ты прав... – сказал Изюмов, нахмурившись. – Но учти. Дозиметры возьмете оптические. Шкала на пять рентген... Это и будет официально зарегистрировано.

– Знаем... – сказал Фомич суше прежнего. Его вдруг несколько задело, что истинная доза, которую они получают, будет скрыта.

Ведь в этом же отчасти и состоял героизм его и его товарищей – гвардейцев ядерного ремонта. Они принимали удар на себя в конечном счете во имя будущего, во имя мира на земле. Хотелось, чтоб об этом знали. Это же в большей степени и вызывало в них тайную гордость, поднимало на воображаемый пьедестал, позволяло высоко держать голову.

Но... Зафиксировано не будет... Слух, конечно, пройдет, легенда останется... Однако винить некого. Некого... Ни он, Фомич, ни Булов перешагнуть сегодня через сложившийся порядок вещей не смогут. А раз так...

Лицо Фомича снова приняло озабоченное выражение. В душе закипало какое-то злое, упорное чувство. Выйдя в коридор и не глядя на ремонтников, приказал:

– Вася, быстро получи на всех оптические дозиметры. Вот, возьми допуск. – И, подумав, немного тише сказал: – Захвати и фотокассеты. Это для нас... Интересно все ж, сколь хватанем.

Вася Карасев с готовностью мотал головой:

– Ага, ага.

– Дуй, Карась.

Вася быстро потопал к дозиметристам.

– Дима и Федя... Вы тащите пожарный шланг от ближнего гидранта в двери центрального зала. Проверьте, чтоб была вода. Шланг поставьте под давление. Ну и... наши «манипуляторы».

Так Пробкин называл металлические клещи типа кузнечных, с удлиненными рукоятками и защитными козырьками из листового свинца, которые сработают в случае, если придется хватать и тащить в бассейн выдержки обломки урановой топливной кассеты.

В те давние времена, когда Фомич начинал свою ядерную одиссею, плутониевые блочки и их обломки при авариях, бывало, выхватывали голыми руками. Так делали Булов, он, Фомич, и многие другие. Поначалу просто не знали. А потом... Потом...

«Где-то вы, мальчики?! Э-хе-хе!..» – с горечью подумал Фомич, глядя на свою обструганную ладонь.

«Тут тож недалече ушли... Обломок ТВЭЛа – что твоя нейтронная бомба. От нее пять-шесть тысяч рентген в час светит. Схватить такую клещами да пробежать до бассейна выдержки... Тоже наследственность испортишь... А то еще клещами не ухватишь, так уж...» – Фомич не стал думать дальше и прошел на пульт дистанционного управления разгрузочно-загрузочной машиной РЗМ.

Оператор РЗМ Ненастин нервничал. Зыркнув на Пробкина, он возбужденно вытаращил глаза:

– Кассету расклинило! Придется рвать, Фомич! Как?! Тебе ведь «подметать»... Все торчащее, лишнее, что не втянется в пенал скафандра, частью останется на полу центрального зала, частью осыплется в «гусак». Что будем делать?

Пробкин с улыбкой смотрел на взъерошенного Ненастина. Обожал Фомич всех людей, умеющих и любящих работать. А этот скуластый, белобрысый парнишка, оператор РЗМ, с выражением всегдашней озабоченности на лице, особенно нравился Пробкину. И потому, что молод, и потому, что «рацух» подал и внедрил уже десятка полтора. Какое-то теплое внутреннее доверие ощущал Фомич к таким людям, а к молодым еще и отеческое чувство.

Пробкин погладил Ненастина по плечу.

– Тяни, Витек, тяни, не бойсь!

Ненастин щелкнул ключом управления и сказал:

– Видал, Фомич?! На динамометре уже тонна... В норме – при семистах килограммах топливная сборка уже шла.

– Тяни, Витек, тяни! Где наша не пропадала!.. Она ведь, заноза, растопырилась в канале. Чего ж ты ждешь? Тяни!

Ненастин добавил несколько щелчков ключом. На экране телевизора контрастно виднелись части плитного настила атомного реактора, так называемого «пятачка», демонтированные с дефектных технологических каналов. Они были расставлены по бокам и напоминали со стороны детские кубики.

Видны были также верхушки технологических каналов с густо отходящими от них

мелкими трубопроводами, которые Фомич обзывал попросту – «лапша». Эта-то «лапша» и составляла предмет его главного беспокойства. Ненастин накрошит сейчас туда ядерной трухи, провалится она сквозь решетку труб вниз на поверхность «Елены» (верхняя часть корпуса реактора) – и не достать ее. Нахватаешься тут...

– Пошла! – крикнул Ненастин. – Пошла! Пятьсот килограмм! Нагрузка меньше нормы!.. Часть кассеты наверняка оборвалась, осыпалась...

«Обрадовался...» – с горечью подумал Фомич.

Мощный черный цилиндр контейнера РЗМ, нависший над каналом, вздрагивал.

На панели пульта оператора РЗМ загорелся верхний конечник.

– Все! Втянул! – сказал Ненастин и тревожно глянул на Пробкина. – Ну что, Фомич?.. Двигаю мост РЗМ к бассейну выдержки? Или как?.. Сброшу кассету в воду и оставлю машину там... Сейчас в центральном зале ревуны взвоят. Только держись! Твой час теперь... Ни пуха ни пера!

– Тьфу-тьфу! – сказал Пробкин несколько тише обычного и медленно побрел к центральному залу, приказав Ненастину: – Трогай!

Дима, Федя и Вася Карасев сидели на пластиковом полу, прижавшись к стене, недалеко от входа в центральный зал и курили. Переходы от стен к полу на атомных электростанциях закругленные, чтобы в углах не застаивалась радиоактивная грязь. Пластикат настилается и на закругления, заходит немного на стену и прижимается к ней нержавеющей полосой, пристреленной дюбелями по всей длине.

Рядом с сидевшими на полу ремонтниками нервно прохаживался дозиметрист с переносным малогабаритным радиометром на груди. Он то быстро подходил к двери центрального зала, щелкая переключателем диапазонов, всматривался в шкалу, то вновь возвращался к ремонтникам.

– Еще не фонит... Да и ревуны молчат... – докладывал он озабоченно. – Видать, РЗМ еще не съехала с канала.

К двери центрального зала был подтянут пожарный шланг с брандспойтом, валялись мягкие куски белесоватого листового свинца, несколько клещевых захватов с длинными рукоятками.

Пробкин потрогал ногой вздувшийся и уже намокший пожарный шланг. Он был твердый, как бревно. В некоторых местах шланг имел мелкие неплотности, и тонкие веселые струйки воды устремлялись от ствола в разные стороны.

Подходя к ребятам, Иван Фомич с тревогой думал о том, кто первый пойдет с брандспойтом в гудящий ревунами и беснующийся нейтронами центральный зал.

Так и не решив, кто пойдет первым, Пробкин обратил вдруг внимание на бледное, какое-то суетливое лицо семенящего взад и вперед дозиметриста. Усмехнулся.

«Мандражирует...» – подумал он, одновременно отметив, что Дима, Вася и Федя сидят спокойно, расслабленно даже. Покуривают себе.

Эту странную, трудно объяснимую расслабленность настоящих работников и бойцов перед атакой, перед решительным броском он знал хорошо. Но и знал также, что в такие сжатые, очень сгущенные минуты перед страшной опасностью в мозгах у людей наступает также некое помутнение, сумеречность, когда движения и действия рук и ног как бы полуконтролируются людьми, и тут надо держать ухо востро.

Вовремя данная уверенная команда, приказ, а то и личный пример решают многое, если даже не весь успех операции.

Снова глянув, теперь уже зло, на бледного, словно ушедшего в себя дозиметриста, Пробкин как-то очень твердо, даже с некоторым злорадством подумал, что этот парень войдет в центральный зал первым. Он должен сделать замер, определить время работы и первым принять на себя нейтронный удар.

Подумав так, Фомич тут же смягчился в душе к бледному дозисту, у которого, как он думал, очко от страха сокращалось быстрее, чем сердчишко.

«Но что медлит Ненастин?» – озабоченно подумал он, и в этот миг в центральном зале грохнуло оглушительным ревом, который не могли скрыть толстые железобетонные стены и

защитная чугунная дверь. Все сразу будто бы вздрогнули, вспрянули. Сидевшие на полу ремонтники повскакали с мест. Бледный дозиметрист затоптался на месте, угодливо заглядывая в глаза ребятам.

Теперь не было никакого сомнения: Ненастий оставил после себя целую кучу ядерных обломков, отломившихся кусков урановой топливной сборки, которые испускали из себя высокоинтенсивное нейтронное, гамма и все другие виды излучений.

«Ух как надрываются ревуны! – подумал Пробкин. – Как стадо взбесившихся быков, которых гонят к бойне. Аж в ушах щекотно... Конечно... Гамма и нейтронные датчики обстреливаются сейчас напрямую. Небось тысяч пять рентген в час...»

Думая так, он одновременно каким-то вторым или третьим планом отмечал, ощущая саднение в груди, что быков-то тех живых, которые в стаде, не убивают до конца на бойне, пришибают только и обдирают шкуру с живых еще, чтоб кровь лучше сходила...

Он опять с раздражением подумал о дозиметристе, теперь уже попристальнее присмотревшись к нему. Красивый, стройный парень. Такие нравятся женщинам. Опять же – сам себе цену знает...

Фомич вспомнил его в обычной обстановке. Нагловат, плещет превосходством, не так чтобы напрямую, а как-то утонченно. И придраться трудно. А дураком все же ощущаешь себя рядом с ним. Но сейчас вот лоск сшибло. И даже волнистые каштановые волосы, которые в обычности тоже отдавали нахальством, сейчас выбивались из-под белого лавсанового чепца как-то жалко, и казалось, тоже бледнели и дергались.

Фомич с трудом вспомнил его фамилию: «Кажется, Цариков... Точно – Цариков...»

– Ну, Цариков, не тяни! – крикнул Фомич зычно. – Слышь, наяривает?.. Так и перепонки порвать можно.

4

Дозиметрист вздрогнул. Лицо его вдруг затряслось, завибрировало. Глаза бегали из стороны в сторону, но как-то не глядели на ремонтников. Он уже задвигал руками, делая ими вроде как бы отстраняющие движения. Чудилось, что он хочет что-то сказать, но голосовые связки у него, видать, слегка подзаклинило от волнения.

Он заговорил, сильно натужившись, покраснев и будто выталкивая из себя слова. Всем уже было ясно, что надо разойтись по сторонам от двери центрального зала, когда наконец Цариков сдавленно выкрикнул!

– В-в-в с-сторону! Н-ну!

Какой-то странной походкой, будто не он сам шагал, а ему переставляли ноги посторонние, Цариков подошел к двери центрального зала и потянул скобу. Дверь не поддавалась. Цариков недоуменно посмотрел на ремонтников, как бы говоря: «Вот видите, тяну... А она...»

«Ах, черт, скис... – мелькнуло у Пробкина. – Надо брать на буксир...»

Он подскочил к двери, тоже вцепился в скобу и с силой потянул на себя, поняв, что дозиметрист или сачковал, или действительно здорово ослаб от страха.

Чугунная трехтонная дверь подалась, пошла, и в этот миг, когда она открылась, в коридор шквалом ворвался басистый, оглушающий, какой-то канонадный гул ревунов. В ушах и ноздрях сильно защекотало от вибрирующего сотрясения воздуха. Казалось, и сам пол вибрировал, потому что слегка щекотало подошвы.

«Ему-то не положили на лапу...» – подумал Фомич и потянул руку к переключателю диапазонов, но Цариков оттолкнул его.

Быстро щелкая переключателем, он отпрянул от двери, будто получил удар, и, заскочив за стену, крикнул:

– Две тысячи рентген в час у двери! – И, стоя уже боком к стене, взволнованно спросил: – Как же вы будете, ребятки? Вплотную – все пять тысяч рентген будет...

– Ну ладно, ладно! – выкрикнул Пробкин, но голос его в гуле ревунов казался бесплотным, шелестящим. – Стоять будем – и десять тысяч набежит!..

Дима, Вася и Федя нетерпеливо перетаптывались. Лица озабоченные.

– Не крутись в проеме двери! – с силой дернул Цариков Фомича за рукав и втянул за срез бетонной стены так, что тот грудью наскочил на дозика. – Тридцать три рентгена в минуту накручивает!.. А нейтроны?..

Пробкин разгоряченно, даже зло как-то глянул на Царикова.

«Оклемался...» – подумал он о нем и зычно приказал:

– А ну-ка! Взяли шланг!.. Подтянули к двери!.. Р-раз!.. – и дозиметристу: – Отсчитывай время! Через минуту дай сигнал! И меряй! Измеряй, сукин сын! Высунь свой дозиметр в проем! – Фомич неожиданно выхватил у Царикова радиометр, который тот крепко держал в руках, и протянул его к проему двери. – Вот так!.. Следи, будет ли падать активность! Я пойду первый! Федя, готовься! Пойдешь за мной!

Федя молча кивнул побледневшим асимметричным лицом.

– Вот ярит, нейтрон его в корень! – крикнул Дима на ухо Васе Карасеву.

Вася был какой-то напружиненный и весь будто вслушивался в характер грома ревунов, который шел накатами, волнами. Установленные в разных по удаленности местах центрального зала, они, видимо, имели чем-то отличающийся друг от друга тембр звука.

Фомич с завидной прытью бросился к брандспойту, схватил ствол, подался в проем двери вместе со шлангом, который подталкивали ремонтники. Открыл кран. Мощный сноп воды шваркнул, врезался в общий гул, добавив свою составляющую, и устремился в сторону плитного настила реактора, туда, где валялись обломки расплавленной урановой сборки, оставшейся после манипуляций Ненастина с РЗМ.

– Врешь! Не уйдешь! – орал Фомич, накрывая снопом воды высокоактивную ядерную труху. – Следи время! – гаркнул он дозика.

Тот в ответ утвердительно и очень сильно закивал головой, не отрывая глаз от часов и радиометра.

– Измеряй! – орал Фомич, весь посиневший от натуги. – Измеряй! Что сопли жуешь?! Спадает активность?!

– Спадает! – крикнул дозиметрист. – Полторы тыщи бэр в час! Все! Все! Иван Фомич! Минута истекла! Тридцать три бэра! Бросайте шланг! В сторону! В сторону!

– Федя-а! – рявкнул Пробкин, весь налитый грузной кровью и затравленно тараща глаза.

Все тело старого мастера трясло реактивной силой струи, слегка водило из стороны в сторону. Он напряженно упирался ногами, топчась на месте.

Федя вмиг и очень легко подхватил ствол и дернул бревно намокшего и напрягшегося от давления шланга вперед.

Похожий со спины на большого белого медведя, вставшего на задние лапы, он продвинулся со стволом в глубину центрального зала, стараясь как можно ближе подтянуться к пяточку реактора, и уже не навесно, как Фомич, а в упор, кинжальной струей, бил по скоплению радиоактивных обломков, вгоняя их под решетку трубопроводной «лапши», а там, дальше, все уйдет в дренажи «Елены».

Конечно, изгваздает радиоактивной грязью весь тракт спецканализации, но... это уже легче. Тракт скрыт в бетоне, и его можно будет мыть потом.

Фомич, заскочив за срез бетонной стены, отдувался. Раздраженно посмотрев на дозика, крикнул:

– Что стоишь?! Иди за ним! Измеряй!

Цариков беспомощно глянул на Пробкина, пулей влетел в центральный зал и через мгновение пулей же выскочил.

– Тысяча четыреста рентген! – выкрикнул он, тараща водянистые голубые глаза. И в следующее мгновение сделал отмашку рукой. – Все! Все! Пусть он возвращается! Скажите ему – тридцать пять бэр! – И вдруг, не выдержав, вбежал в центральный зал, схватил Федю за рукав, потянул к выходу.

– Пшел! – рявкнул Федя.

Дозик почувствовал, что все тело ремонтника напряжено, словно отлито из железобетона.

– Меряй! Меряй! Пес твою мать! – орал уже подскочивший Пробкин.

Дозиметрист тарашил глаза, заполошно щелкал переключателем диапазонов.

– Тысяча двести рентген! Все! Больше не падает!

– Назад! – гаркнул Фомич, и все откатились в коридор, за прикрытие бетонной стены.

Ствол брандспойта с закрытым краном Федя бросил на пол центрального зала.

Ревуны не унимались, яростно мурлыча, будто скопище гигантских кошек. Так по крайней мере чудилось Фомичу и Феде, разгоряченным от работы и от солидной дозы, уже схваченной ими.

Воздух, словно бы уплотненный вибрирующим грохотом ревунов, ионизированный интенсивным гамма – и нейтронным излучениями, будто обрел плоть.

Обычно незамечаемый, теперь он ощущался материальной сущностью, пульсируя, щекоча и какой-то странной, непривычной едковатостью садня горло.

Дима прохаживался в возбуждении, размахивая мосластыми руками и отрывисто приговаривая:

– Черт Ваньку не обманет! Фомич! Дай я стебану!

Фомич зыркнул на Диму налитыми кровью, хмельными от схваченных рентгенов глазами.

– И твой черед подойдет! Погодь маленько, Дим Димыч! – хриплым голосом сказал Пробкин и возбужденно хохотнул. Тут же переключив внимание, крикнул дозика: – А ну-ка, Цариков, мигом неси нам подзорную трубу (таковая имела у дозиметристов, чтобы можно было рассматривать высокорadioактивные детали издалека).

Цариков побежал.

А Пробкин уже быстро и как-то нервно прохаживался взад-вперед вдоль бетонной стены. Нейтронное и рентгеновское похмелье начинало действовать. Словно уговаривая самого себя и товарищей, Фомич громко выкрикивал:

– Ясно! Японская богородица!.. Кусок кассеты, и большой! Застрял на трубопроводной решетке. Сейчас глянем!..

Огромный Федя, обычно медлительный, тоже весь как-то убыстрился, перетапывался на месте.

Фомич вдруг вспомнил горячее золотое времечко своей ядерной молодости на бомбовых реакторах. Героическое время! Тогда дозика так вот не бегали и не бледнели, прячась за стеной. Да и ревунов таких бычачьих не было. Все делали тихо. И блочки плутониевые, распухшие в каналах, выдергивали краном. И голыми руками иной раз подправляли, оттого и струпья на руках незаживающие. И вон, все еще голое мясо видать. Без кожи... А откуда ей быть, коже-то, ежели ее нейтронами убило на всю глубину?

Фомич глянул на открытую рану на изгибе ладони правой руки. Удлиненной щелью так и поблескивает красное живое мясо, подернутое белесоватой пленкой.

«И мёрли, конечно... Мёрли... Схоронили скольких... Агромадные погосты... Ребятишки да бабы в слезах. Да-а...»

Он не стал вспоминать дальше. Усмехнулся вдруг, вспомнив спину убегающего по коридору дозика, который бежал смешно, необычно высоко вскидывая ноги и перпендикулярно ставя подошвы на пол, отчего пластикат шлепко и суховато постукивал по набетонке. В спине убегающего дозика остро ощущалась какая-то сдерживаемая торопливость.

«Чего эт я? – усмехнулся Пробкин, заметив частые перескоки в мыслях. – Ядерный кайф начался, что ль?...»

Ложный тонус, вызванный облучением, все нарастал, и Фомич вдруг ощутил легкое удушье где-то прямо против сердца.

«Ага!» – подумал он и несколько раз стукнул себя кулаком в грудь против того места, где ощущал вновь странную и трудно объяснимую щемящую неудовлетворенность.

И вдруг с беспокойством вспомнил о Булове. Ох и нелегко же ему придется... Но ничего... Он, Пробкин, пока жив, не оставит в трудную минуту старого товарища.

«Вместе, Петрович... Вместе до конца...» – с теплым чувством подумал он о директоре.

Неожиданно, как по мановению волшебной палочки, удушье отпустило.

Фомич заулыбался, но его распирало, и он без видимой причины захохотал. Ему стало весело до игривости. От смеха выступили слезы.

«Ядерный кайф, зараза...» – снова подумал Пробкин.

– Чего гыргочешь, Фомич? – в свою очередь заулыбался Вася Карасев, стоявший в стороне в ожидании своего часа.

– Загыргочешь и ты, погодь! – пообещал Фомич. И спохватился: – А ну-ка быстро вырезайте из листового свинца Диме плавки и бюстгальтер. На всякий пожарный... А вдруг на «лапше»-то кусок кассеты высокоактивной окажется... Струей не смоешь... Придется клещами тащить... – Фомич испытующе глянул на Диму.

Тот часто бил костлявым огромным кулаком правой руки по плоской левой ладони.

– Нейтрон его в хобот, Фомич! – крикнул Дима, перекрывая, казалось, уже притупившийся и даже охрипший гул ревунов.

«От такого рева мембраны не только в ушах – в самих ревунах полопаются», – усмехнулся Фомич.

– Я выдерну эту твою кассету, как гнилой зуб из пасти! – не унимался Дима.

– Ну-ну!.. – сказал Фомич неопределенно. Мол, посмотрим.

А Федя и Вася Карасев уже вырезали из листового двухмиллиметровой толщины свинца большой лоскут наподобие буквы «икс» с завязками на острых концах в виде удлинений.

Конечно, можно было подготовить выкройки заранее, но Фомич тогда еще точно не знал, кто пойдет «наперехват».

– Эт тебе, Дима, чтоб наследственный механизм не спалить и себя в сохранности до дому донести, – заботливо говорил Вася Карасев, старательно работая ножницами по металлу.

– Мне-т что! – огрызался Дима, продолжая долбить кулаком по ладони. – У меня наследственный механизм с гулькиным носом, а вот те, Карась, свое сокровище побережь бы... Ха-ха-ха! – нервно загырготал Дима.

– Ладно, ладно... – серьезно сказал Вася, вставая с свинцовой выкройкой в руках. – Давай на примерку, герой!

– Я истесняюсь! Го-го-го! Щекотно! – взвизгнул Дима.

Свинцовые плавки приложили, обжали податливый свинец по форме тела, которое обрело в свинце атлетическую внушительность.

– Илья Муромец! – вскрикнул Вася и с силой шлепнул Диму по свинцовому задку, оставив на свинце вмятину и взыв. – Ну! Свинцовая твоя попа! Всю руку отбил!

– Прошу, Фомич, телесное повреждение зафиксировано! Полкуска сними с Карася! Го-го-го! – орал Дима.

– Ишо не все!.. Дай-ка я тебе пелеринку примерю! – Вася накинул Диме нагрудник, встав на цыпочках. Обжал по форме груди. Подумав, просунул руку и обдал свинец на кулаке сначала справа, потом слева. Получились выпуклости, похожие на женскую грудь. – Вот теперь будет самый раз! – вскрикнул Вася, и все четверо разом захохотали.

В мощный, басовитый гул ревунов и впрямь вкралась хрипотца. Мембраны не выдержали и кое-где, похоже, треснули. Бычий рев стал отдавать гнусавинкой.

Дима кокетливо прошелся перед друзьями, игриво вертя задом.

– Э-ге-ге! Осторожней! – рывкнул Фомич. – Порвешь спецовку! Чай, не на Бродвей собрался.

Вдали коридора показался смешно бегущий дозиметрист с подозрительной трубой.

– А ну дай сюда! – выхватил трубу Пробкин и подошел к краю дверного проема. Настроив трубу на резкость, он высунулся за срез стены.

«Так и есть!.. – думал Фомич. – Три обломка ТВЭЛов в куске дистанционирующей решетки... Килограмма на четыре потянут...»

Оборванные куски ТВЭЛов и огрызок дистанционирующей решетки имели ржаво-коричневый цвет накипевших на них продуктов коррозии.

– Сколько от них светит вплотную? – спросил Пробкин дозиметриста.

– Восемь тысяч рентген в час... Не меньше... – ответил Цариков, многозначительно глядя на Ивана Фомича.

«Пугает... – зло подумал Фомич и тут же про себя огрызнулся: – Не испугаешь...»

Он прикинул, что Диме придется сделать при его длинных костылях три-четыре прыжка до «бонбы». Это три секунды... Столько же времени уйдет на то, чтобы зацепить клещами эту фиговину... Пять прыжков до бассейна выдержки... Итого... Самое большее, если не споткнется и не упадет... пятнадцать секунд... Те же тридцать пять – сорок рентген. Да еще свинцовый панцирь... В те далекие, бомбовые времена так не прикрывались.

Тягучая обида на какое-то мгновение охватила его, заволокла глаза мутной пеленою. Невосполнимость утраченного им в жизни вдруг ощутилась жгучей физической болью, но... Но это было только мгновение.

– А глаза?! Голова?! – вдруг спросил дозиметрист, будто читая мысли Пробкина.

Но Фомич уже не слушал его.

Много, много лет он, Пробкин, прикован к ядерному делу. Сросся с ним душой и телом. Его уж не оторвать, не испугать, не переубедить...

– Дима-а!.. Вперед! Быстро! – зычно приказал Фомич. – И чтоб не спотыкаться!.. Одна нога здесь, другая там!.. Зенки-то особенно не пяль!.. Обожгешь!

«Все слышит, старый...» – подумал дозик и в смущении отошел в сторону.

Дима наклонился, ощутив, как ребра свинцовых плавков больно надавили в паху, быстро схватил клещи, на рукояти которых были наткнуты щитки из листового свинца для защиты рук от радиационного ожога, сделал дикие глаза, рот его свело злобной судорогой.

– Ну, шкура барабанная! – исторг он из груди и ринулся вперед, длинноногий атомный рыцарь, в латах-плавках и нагруднике с рельефно выступающими бугорками свинцовых грудей, отекаенных Васей Карасевым на собственном кулаке.

И без того короткие штанины белого лавсанового комбинезона, поджатые в паху свинцовыми плавками, натянулись еще сильнее и оголили мосластые щиколотки.

Длинные, циркулями, ноги его в черных растоптанных ботинках казались какими-то беспомощно добродушными, неуклюжими и как бы неспособными к решению той сложной и опасной задачи, которую предстояло выполнить.

Вытянутое лицо Димы, несколько посеревшее от волнения, несмотря на зловещую гримасу, казалось потерянным, теряющим целеустремленность. Но угрожающее «Нейтрон твою в корень!» то и дело слетало с искривленных и подсохших синеватых губ Димы, словно подхлестывающий удар хлыста.

Белый лавсановый чепец, очень новый по сравнению с комбинезоном и не потерявший еще своей угловатой формы, был велик ему и глубоко налез на уши, почти полностью прикрыв морщинистый, в коричневых пятнах лоб.

Черные, с сильной проседью пряди волос сильно выступали из-под чепца, особенно сзади, над воротником.

– В открытый космос идешь, Дима! – крикнул дозиметрист Цариков, и глаза его, какие-то странно открытые и налитые светлой кровью, удивленно и вместе с тем с уважением глядели на Диму. – Одумайся! Звезду ведь голыми руками хватать идешь!..

Но Дима уже не слышал его. Он шептал что-то, неслышное сквозь бычачий вой ревунов, словно прицеливался на кусок искореженного ржавого металла, наштигованного высокорadioактивным ядерным топливом, испускающим губительные нейтроны и столь же губительные жесткие гамма-лучи.

Цариков-то был прав. В центральном зале и впрямь в этот миг был открытый космос. Густо ионизированный излучениями и насыщенный аэрозолями воздух ощущался очень сухим, каким-то чересчур прозрачным и вместе с тем будто мерцающим и струящимся. Да и воздухом ли был этот непривычный и губительный для человека ионизированный газ?

– Не сбивай с панталыку! – рявкнул Фомич, гневно сверкая на дозика налитыми кровью белками. – А то сам иди! Умник выискался!..

Цариков испуганно отпрянул, а Дима, словно ждавший окрика как приказа, нырнул в открытое космическое пространство центрального зала.

Неожиданно для Фомича Дима пошел не прыжками, не бегом, а быстрым деловым шагом, даже несколько небрежно, точно спешил куда-то далеко по срочному делу.

Свинцовой тяжести доспехов он не ощущал, весь казался себе настолько легким, словно легче воздуха. Будто и вправду обрел вдруг невесомость в открытом космосе.

Он шел, испытывая все нарастающее чувство непонятной веселости. Начиналось то самое «нейтронное похмелье», вызванное интенсивными излучениями, которое много позже вспоминалось с бравадной усмешкой и тайной гордостью, мол, «смертельно, а весело...».

Дима деловито и спокойно схватил клещами обломок топливной сборки, несколько раз изрядно дернув его, высвобождая от зацепа за тонкую нержавеющей трубку, поднял перед

собой на вытянутые руки и, осторожно ступая, прошел к бассейну выдержки и вместе с клещами бросил кусок «звезды» в воду.

Все время, пока он делал это, ему казалось, что стояла страшная тишина. И только тогда, когда он увидел брызги воды и услышал чавкающий звук упавших в воду предметов, глухота как бы отошла, оглушительный гром ревунов с гнусавым потрескиванием навалился на него, он вздрогнул и побежал, в несколько прыжков достигнув двери.

– Сорок пять секунд! – сказал Фомич, смущенно поглядывая на Диму. Потом будто опомнился, быстро подошел, обнял товарища: – Ну, Димыч, спасибо! Удружил!

Дима виновато моргал глазами:

– Будет, Фомич! Это нам запросто! Как два пальца...

– Сто рентген! – выкрикнул Цариков, нервно прохаживаясь вдоль стены. – Вы с ума сошли! Неужели для вас деньги дороже жизни?! – Он в упор смотрел на Фомича, и во взгляде, и во всем облике его вновь засквозило то самое ненавистное Фомичу барское какое-то превосходство, может быть, даже в том, что вот они, ремонтники, своею охотою взявшие на себя грязное ядерное дело, на сто рентген ближе к смерти, чем он, Цариков.

Бульдожьи щеки Фомича отвисли еще больше, складки углубились, лицо посерело. Он смотрел на Царикова набычившись, кровавыми глазами.

– Ты мне поговори! Трухлявая твоя душа! Ты мне поговори! Что нами движет – тебе не понять! Не дорос!

– Мое дело – не допускать переоблучения! – сказал Цариков с достоинством.

– Путаешь божий дар с яичницей! – сказал Фомич уже вяло и махнул рукой. Но вдруг взревел: – АЭС должна работать! Понял, дурила?!

Цариков снова скис и растерянно заморгал глазами.

– Димыч? Тама больше кусков топлива нема? – спросил Пробкин.

– Нема, Фомич!.. Труха на «Елену» просыпалась. От нее и гудить!

– Меряй! – крикнул Пробкин Царикову.

– Триста рентген! – доложил тот и отошел от проема.

Фомич снова растроганно обнял Диму:

– Друг ты мой! Сделал дело! – и прижался к его свинцовой груди. – Ну и буфера у тебя, как у паровоза!.. А ну, Карась, сними с Димыча свинчатку!

А Федя тем временем без какого-либо напоминания схватил вдруг брандспойт и, поливая перед собою мощной струей воды, словно строча из автомата, ринулся вперед, в глубину центрального зала.

Вася Карасев стал подталкивать мокрый и твердый, как бревно, пожарный шланг, помогая товарищу. Подойдя почти вплотную к сгоревшему технологическому каналу, Федя завел струю сквозь решетку труб, стараясь смыть из-под нее ядерную труху в сторону трапа под плитным настилом реактора.

Гул ревунов неожиданно стих. Остался только шуршащий и хлещущий шум воды. Федя закрыл кран.

В центральном зале наступила глубокая тишина, и сквозь будто заложенные ватой уши услышал он вдруг какие-то странные, как бы по-новому звучащие, дорогие ему голоса товарищей. Хрипловатый, со стреляющим покашливанием смех Фомича, гудящий басок Димы, тонкий голосок Васи Карасева.

Все они гурьбой шли ему навстречу, а дозик за их спинами встал в проеме двери в какой-то неуверенной, смущенной позе.

Гвардейцы ядерного ремонта смеялись, похлопывали друг друга по плечу, выкрикивая:

– Аи да мы!

– Я всегда говорил, – мягко и как-то вкрадчиво начал Фомич, – наша работа – самая главная!.. А что, мальчишки?.. Куда ни кинь – хирурги мы!.. Вырезали атомному реактору аппендикс, промыли кишки, а?.. Пусть себе живет!.. Пусть живет!.. Энергия еще никому лишней не была... – Фомич вдруг замолчал.

Они уже вышли из центрального зала, шли по длинному коридору, пол которого был облицован желтым, покрякивающим под ногами пластиком. Эйфорическое состояние, казалось, беспричинной веселости, вызванное облучением, переполняло их.

Дозиметрист задумчиво брел сзади, несколько поотстав, неся в руке радиометр на длинном ремне и почти волоча прибор по полу. Странное, какое-то смешанное чувство негодования, удивления и еще чего-то необъяснимого испытывал он.

– Теперь, Карасик, твой черед... – нежно сказал Фомич. – Внизу, под реактором, тоже космос... Надо резануть сваркой «гусак»... – И, обернувшись, крикнул: – Эй, Цариков-императриков, не отставай! Тебе тоже дело есть!

Цариков ускорил шаг.

Ложность его положения заключалась в том, что он должен был обеспечивать обслуживание бригады ремонтников, фактически только регистрируя дозы и докладывая радиационную обстановку. Все остальное было за пределами его прав. Добровольцы сами решили свою участь, и ему было приказано не мешать.

– Так что... ты уж, Карась, не подведи... Постарайся... – наставлял Пробкин. – На этом и кончим сегодня.

А сам подумал: «Сегодня – да... А завтра еще Булову помочь надо... Надо...»

– Знаю, знаю, Фомич, – сказал Вася Карасев, тоже очень ласково, согласительно, – все будет путем... Будь спок...

Фомич не стал уточнять, что в «гусак» во время извлечения разрушенной урановой топливной сборки осыпались обломки ядерного горючего. Оттого и «космос» там... Карась и сам все это знает. Что говорить...

– Нейтрон ее в печень! – возбужденно крикнул Дима, находясь еще под впечатлением проделанной работы. – Она, курва, зацепилась за трубку КЦТК (контроля целостности технологических каналов), так я ее, гаду, выдрал, как гнилой зуб из пасти, и...

Федя шел рядом вразвалку, огромный, сильный, будто сопровождал товарищей, и все усмехался чему-то своему. А еще и от хорошего чувства к Фомичу, к его какой-то открытой беззаветности в деле, несмотря на все кажущиеся увертки и хитрости. Он-то уж точно знал, что, если б ремонтники не захотели, не пошли бы... Это уж точно... И Фомич это знал... И теперь видно было – благодарен он им... И любит их... Вон то и дело стреляет любящим взглядом то на одного, то на другого. Шебуршится.

Федя снова усмехнулся чему-то своему. Асимметричное лицо его было добрым и чуть усталым.

5

С отметки плюс двадцать четыре четверо ремонтников и дозиметрист Цариков спустились по лестничным маршам, облицованным грязноватым на вид пластиком, на отметку ноль.

Пластик покрывал под каблуками, сухомерно приклепывал по набетонке, выпускал из себя тошнотный запах дезактивирующих растворов, которыми промывался ежедневно по несколько раз на день.

Фомич все так же вкрадчиво и мягко, словами точно лаская товарищей, рассказывал, все больше теперь обращаясь к Васе Карасеву:

– Там уж, Васек, все припасено. «Штурмовая» машина – что тебе средневековое оружие для взятия крепостных стен. Любо-дорого! Хе-хе!.. У меня, мальчики, все припасено. Счас побачите.

Ремонтники знали, что Фомич последние пару дней все что-то мастерил внизу втихую с другими людьми. Таскали туда уголки, швеллера, приволокли откуда-то и стащили вниз компактную четырехколесную тележку, стальных труб да листового свинца черт-те сколько...

Догадывались, конечно, что именно Фомич там мастерит, но как все это будет выглядеть – не представляли.

А Фомич все ласкал Васю. Ох и хитер старик! Хитер же! Подумывали себе ремонтники, а самим было приятно. Ласка, она свое делала. А уж совещательность и вкрадчивость голоса Фомича и вовсе кстате ложилась в распаленные нейтронами и гамма-лучами души ребят.

Слова Пробкина как дрова в топку попадали. В взвихренных душах и полуобезумевших головах его товарищей все круче и быстрее разгоралось удайство, бешеной взвивались безрассудная смелость и бесстрашие. Мышцы вздувались какой-то чрезмерной допинговой

силой. Тела скручивало от желания действовать.

Фомич знал об этом, испытывал за многие годы подобное состояние не единожды, и знал также, что «струна» вдруг может лопнуть, что надо не перебрать, что надо успеть в самый раз.

То и дело взгляд Фомича терял масло ласки, становился острым, прицельным, оценивающим.

Более всех дергался Дима. Он нервно перебирал угловатыми плечами, дико гримасничал, слишком быстро долбал правым кулаком по левой ладони, приговаривая себе под нос все убыстряющейся скороговоркой:

– Б-бляха муха! Где наша не пропадала! Где наша не пропадала! Ла-ла-ла! Зуб из пасти! – глаза его горели безумием. В них было предельное напряжение, которое странно было видеть у человека, в группе с товарищами, не торопясь, спускавшегося по лестничным маршам.

«Ох уж эти нейтроны!» – с беспокойством подумал Фомич.

Когда они достигли нулевой отметки и ступили на площадку, облицованную нержавеющей сталью, «струна» вдруг лопнула.

Раздался дикий выкрик, похожий на затяжной, с трубным, утробным звуком вдох воздуха, и Диму начало рвать.

Он уперся руками в металлическую облицовку стены и, то закидывая с подвывом, то опуская голову, плескал рвоту на стену. Рвотная масса уже обтекла бутсы, и он стоял будто в трясине, маслянисто блестящей в лучах светильника...

Дозиметрист Цариков, сильно отставший, свалился вдруг на голову, коршуном закружился, затоптал ногами по железному полу.

По-женски красивое припухшее лицо его ярко покраснелось на скулах. Он поначалу бубнил что-то, заикаясь, непонятное, но затем голос его обрел крепость, стал металлическим, басовитым, а там уж и вовсе раскатным:

– Да что ж вы делаете?! За что здоровье кладете?! Окаянные!.. Неужто жалкая тыща-другая дороже вам самой жизни человеческой, одной-единственной данной нам?! Да если б не ваша дурацкая воля добрая, так... я бы вас... да поганой шваброй, да по шеям, по шеям... – Он потрясал в воздухе радиометром, весь конвульсивно дергался в гневе, враз раскидав свои серые, захмелевшие в неподдельном негодовании глаза в разные стороны, то есть перед собой ничего из-за истерики своей не видел и мог ненароком долбануть кого-нибудь по черепу радиометром.

Ремонтники несколько поотступили, но в глазах и лицах их уже проявлялось что-то нехорошее.

Даже Диму перестало рвать, и он, пошатываясь и отирая лавсановым рукавом полуоткрытый синюшный, в липкой слюне рот, весь землисто-серый, с четко проступившими коричневыми пятнами на лице, прошел и, держась дрожащими руками за перила, сел на ступеньку.

– Это же есть не что иное, как сжигание жизней на ядерном костре!.. – все так же не глядя в лица людям, самозабвенно орал Цариков, но вдруг замолк, оборвав свою речь на полуслове.

Громадный Федя, Вася Карасев и Фомич медленно подступали к дозиметристу, и вид их не предвещал ничего хорошего.

– Вали отсюда! – хрипло и тихо, каким-то утробным голосом выдавил из себя Фомич. И Цариков попятился. – Вали, чтобы духу твоего тут... Чтоб не вонял, мать твою...

Цариков в сердцах повернулся и решительно стал подниматься по лестнице, вроде торопясь, но и как бы нехотя, потому что казалось, будто ноги его кто-то с трудом отрывает от пола и, преодолевая сопротивление, переставляет на новое место.

«Вот марионетка!» – удивленно подумал Фомич, и злоба его стала утихать.

– Эй ты, дурила! Постой! – крикнул Пробкин вдогонку.

Цариков с готовностью обернулся.

– Сделай доброе дело, – голос Фомича был мягкий, но официальный, – принеси-ка швабру, сгоним Димобу «работу» в трап...

Цариков заалел еще пуще прежнего, начал пойкивать, что обычно всегда предваряло возмущение, розовая кожа под подбородком вздувалась и Опадала, как у лягушки-квакши, но, споткнувшись взглядом о землисто-серое лицо Димы, о его скрюченную слабостью жалкую

фигуру, прислонившуюся к перилам, он вдруг внутренне согласился, весь как-то сник и пошел выполнять поручение старого мастера.

Фомич с озабоченным видом подошел к Диме и, наклонившись к нему и нежно теребя рукой плечо, сказал:

– Ничего, Димыч, ничего... У меня сколь раз рентгенами нутро выворачивало, ан видишь – живой, не дурной... Счас «гусаку» шею своротим, тяпнем по маленькой, и все будет путем.

Дима в ответ вяло улыбался, лаская Фомича большими, чуть притухшими от нахлынувшей слабости, виноватыми черными глазами. Хотел что-то сказать, но вышло только:

– А-а!.. – и он досадливо махнул рукой.

Фомич торопливо отошел от него и повел Васю и Федю к входу в помещение нижних водяных коммуникаций реактора, по которым теплоноситель (вода) подавался снизу в активную зону атомного реактора.

В помещении был довольно яркий свет. Нержавеющий пол был чист. Сверху, на трехметровой высоте от пола, были видны крашенные зеленой теплостойкой краской водяные коммуникации – множество тонких труб, плотными рядами подходящих от раздаточных коллекторов к нижним частям технологических каналов, с которыми они соединялись через изогнутые наподобие гусиной шеи трубки.

Прямо по носу видны были сходящиеся под прямым углом металлические стены опорной крестовины атомного реактора. На вид получался довольно уютный закуток, и ничто внешне не говорило о том, что вот в этом самом закутке сейчас и есть бушующее излучениями космическое пространство.

Рядом с дверным проемом, через который был вход в помещение подреакторного пространства, на металлическом нержавеющем полу стояло странное устройство, внешне напоминающее уродливую свинцовую пирамиду.

Все трое заглянули в проем облицовки устройства и увидели там металлическую ажурную конструкцию с лестницей, предназначенной для подъема на верхнюю рабочую площадку.

Сама конструкция была установлена на легкую четырехколесную тележку и снаружи облицована свинцовым листом с вмятинами на поверхности.

Изнутри было видно, что в крыше свинцовой будки есть амбразура, через которую работнику предстояло высунуть руку с электрострогачом и при большом сварочном токе отхватить «гусак» одним махом.

– Хороша халабуда! – с гордостью сказал Фомич, похлопывая рукой по свинцовой облицовке штурмового устройства. Звук от удара был шлепкий, глухой. – Закатим эту игрушку под реактор, подтащим на вытянутую руку от «гусака»... Во-о-он на нем красная тряпочка, – сказал он, умолчав, что повесил ее сам, первый испытал «крепостную машину». – Далее ты, Васятка, лезешь наверх с электрострогачом наготове, а мы с Федюлей будем двигателями прогресса, то бишь будем возить тебя как дитё на коляске... Только под себя не ходи... Ха-ха-ха!.. – утробно, с кашлевым прострелом захохотал Фомич, но во всем его облике была видна спешка, даже в том, как он быстро, пулеметной очередью, прохохотал и резко оборвал смех. – Ну с богом, работнички! Или как там еще говорят? Теперь за работу, товарищи!

Вася Карасев действовал споро и быстро. Подтащил с запасом сварочный кабель. Держа электрострогач, полез по лестнице наверх халабуды, чиркнул неосторожно электродом о трубу лестницы, осыпав товарищей голубыми искрами.

Свинцовая будка покачивалась и поскрипывала. Наконец устроившись наверху, Вася Карасев весело крикнул:

– Включай двигатель прогресса! Три, два, один! Старт! Въезжаем в космическое пространство!

Фомич и Федя, смеясь, ухватились за поперечину, и «космический корабль», под названием «свинцовая курва», поскрипывая, шатко-валко въехал в подреакторное пространство, то есть, по выражению дозиметриста Царикова, в открытый космос.

В отличие от центрального зала ревунов здесь не было, ибо помещение было необслуживаемое и быть в нем не полагалось, потому восемь тысяч рентген в час никак о себе не заявляли, и в помещении действительно стояла космическая уютненькая тишина.

Фомич вдруг вспомнил, что впопыхах забыли натянуть пластиковые полукомбинезоны,

хотя в подобном случае стоило бы закрыться пластиком полностью. Сейчас Васятка как резанет, как ливанет из «гусака» и технологического канала ядерная труха – век не отмыться.

Но уж больно не любил Фомич эту спецодежду, в которой работать было не очень-то удобно, и пользовался ею в самых крайних случаях.

Теперь же главное – побыстрее вкатить Васю. Пусть настраивается.

Фомич торопился, боясь, как бы примеру Димыча не последовали Федя и Карась, а за ними и он сам, Ивам Пробкин, окаянная душа, запроданная атомному дьяволу.

И все же Иван Фомич решил, что ему и Феде следует натянуть пластиковые полукомбинезоны, дернул Федю за рукав и с силой потянул к выходу.

Напялив на себя пахнущую химией неестественность и уширившись и окосолапев, они быстро вернулись к свинцовой будке и поднялись вверх до середины лестницы.

– Карась, давай! Чё блох ловишь?!

– Сей миг! – прозвучал сверху альтовый голос Васи Карасева.

Он дернул еще несколько раз сварочным кабелем, процарапав по щекам Федю и Фомича его шершавой, пахнущей битумом изоляцией, просунул руку со строгачом в амбразуру, прицелился, наведя толстый электрод на вертикальный прямой участок «гусака», и... раздался шваркающий треск разрядов, нудный гул провода, вставшего под напряжение.

Трах! Трах! Тр-р-рах! – снопы осыпающихся искр, расплавленного металла и... вода... Полилась вода с паром, с осколками деления разрушенного топлива, сначала струей вбок, потом веером.

Трах! Трах! Трах! – шум воды, падающей вниз. Трах! Трах! Трах! – и гул удара «гусака» о стальной нержавеющий пол подапаратного помещения.

– Все! – крикнул Вася. – Отход!

А сам вдруг почувствовал, как струя теплой высокоактивной воды, несущей в себе частицы разрушенного ядерного топлива, полилась через какую-то щель сбоку, видать, с горизонтального участка, ударив струей в пах.

– Скорее-ей! – завопил Вася Карасев. – Промеж ноги шибануло, мать ее!

Свинцовая халабуда заколыхалась и, мерно пошатываясь, покатила к выходу.

Фомич и Федя лихо сбросили с себя пластиковые полукомбинезоны. Вася прогремыхал по лестнице, бросив строгач, который чваркнул по железу и ахнул голубыми брызгами расплавленного металла.

Фомич взял и аккуратно повесил строгач на перекладину.

«Рентген по сто схватили еще...» – подумал он мимоходом, отдавая команду:

– Быстренько! Быстренько! Мальчики, мальчатушки мои!

Голос его был деловитый, слова сыпались скороговоркой, во всем теле Ивана Фомича необычайная легкость.

– Слава те господи! Японская мать-богородица, за усопшего «гусака» свечку зажигай да нам не мешай!.. В душ! В душ! Быстрехонько, мальчишечки вы мои дорогие!

«Ага! – отметил про себя Фомич. – Дозик рвотину убрал. Швабра прислонена к стене у трапа...»

И невдомек было Фомичу, что сделал это Цариков не из страха перед ним, а из удивления перед их непостижимым геройством и от жалости к ним, добровольно сжигающим себя на ядерном костре.

У Димы слегка отлегло. Он даже помеднел лицом и хотя вяло, но постукивал все же правым костистым кулаком по левой ладони.

Впопыхах Фомич не замечал, как судорожная одышка то и дело прихватывала ему дыхание. Он даже забывал, как обычно, постукивать себя кулаком в грудь, словно бы отгоняя незваную. Не до того, мол, пшла вон! Некогда!

– В душ! – снова выкрикнул он, а сам обеспокоенно подумал: «Скорей бы надо воду подать в подапаратное помещение. Смыть ядерное хлебово в трапы... Эх! И достанется вахтам! Пусть... С нас на сегодня хватит... Они все это дистанционно закрутят...»

И вдруг вспомнил о Булове. А что, если еще в каком-нибудь канале разрогатится ядерная кассета и придется все повторить? И, сам себя успокаивая, подумал: «Ничего, Петрович... Пока жив, тебя одного не оставляю... Не оставим мы тебя...»

6

Мылись долго и молча. На дозиметрическую арку «Краб» измеряться пока не ходили. Каждый таил в себе какое-то суеверное чувство, что вот-де вымоюсь, встану на арку, и на всех табло – «голова», «правая рука», «грудь», «левая рука», «живот», «пах», «спина», «ноги» – будут невинно и втихомолку темнеть пластики, и никаких тебе миганий и тревожных зуммеров, означающих грозное – «Радиоактивная грязь!».

Мылись очень горячей водой. В душевой стоял густой паровой туман. Гвардейцы ядерного ремонта старательно отмывались.

Длинный и мосластый Дима вялой сомнамбулой прохаживался между кабинами, поглаживая довольно широкую поперечную красную полосу на животе.

Вдруг из кабины выскочил голый жирный пузатый мужичишка. Это был Иван Фомич Пробкин. Жир на спине и груди у него висел дряблыми складками. Грудь выше сосков была синюшно-бордовой, а все остальное тело имело грязноватый розовый оттенок, словно бы слегка припудренное темно-серым пеплом, который Фомич называл «мой вечный ядерный загар». Лицо у него было свекольного цвета, особенно яркое на гребнях складок.

– Да ты, я вижу, Димыч, подпалился маленько... – озабоченно сказал Фомич и потрогал рукой Димин ядерный загар. – Гамма Петровна, сучья рожа, да Нейтрон Иваныч, а? – И успокоил: – Ничё, облезешь... Я уже раз двадцать шкуру менял. Не... Кроме шуток!.. Эт неглубокий ожог. Когда глубоко – вся кожа слезает, одно незаживающее мясо остается. Во!.. – И он показал Диме свою острупленную ладонь, где в щели старого ожога на голом краснотатом мясе блестела белесоватая пленка. – Удивляюсь я только, Димыч, – вскрикнул вдруг Фомич, стараясь отвлечь товарища от грустных раздумий, – агромадной ты кости мужик, мослы вон какие, а... «это самое» куда заховал?

– Го-го-го! – зарокотал Дима. – Оно у меня, Фомич, потайное!

– Вася-а! – гаркнул Фомич и закашлялся. – А ну иди похвались!

Вася Карасев вышел из кабины унылый, весь как-то ушедший в свое беспокойство.

– Во! Видал? Мужичишка с kloпа ростом, слепенький, плешивенький, грудишка плоскенькая, задочек низкой посадки и оттопыренный, как у базарной торговли, пузцо... И-пузца-то не нажил, ножоночки игрушечные, но зато... Нутро не оттягивает? – вдруг спросил Фомич Васю, но тот махнул рукой, беспомощно моргая воспаленными веками.

– Подпалил я, Фомич... – сказал Вася жалобно. – Пекёт тут, – он показал на низ живота.

– Мой! Мой иди! – приказал Фомич, с беспокойством глядя на Карасева.

В это время из кабины вышел голый, весь в мыле, Федя, ростом чуть не в два раза выше Фомича. Могучее его, с легким слоем жира тело внушало уважение.

– Во, громила! – удивленно воскликнул Фомич. – Никакой нейтрон его, чертяку, не берет! И вон, глядь, пеной как фиговым листком прикрылся... Афродита морская...

Федя добродушно улыбнулся асимметричным лицом и, стыдливо прикрыв граблями рук буклистую пену, показав товарищам круглую, с укусами плеч медвежьей спину, зашел под душевой рожок.

Фомич вдруг впервые с того времени, как они выпили вместе перед началом работы, явственно ощутил нехватку дыхания. Он машинально постукал себя кулаком по груди, будто для вида. Снова погнал Васю отмываться и сам нырнул в кабину. Несколько раз с силой ударил себя в грудь, но удушье не отпускало. Пару раз очень глубоко вдохнул. Без удовлетворения. Задыхаясь, засуетился, выскочил из кабины, гаркнул:

– Пошли измеряться!.. Все на «Краб»! – и вроде как в суматохе снова задышал, отогнал косматую.

«У, как придушила!» – удивился он, но тут же забыл про удушье.

– Та-а-а-к! – зарегистрировал Фомич. – Димыч чистый! Девственник ты, Димыч! Ступай одеваться... Сбор у меня в каморке... Отоваримся – и «на посошок»... Федя!.. У, медведюга! Как только тебя мать родила?!

– А я был от такусенький... – показал Федя руками, как рыбаки рыбу.

– Чистый ты, Федюля, истинный бог! Иди, не греши! Облачайся – и в каморку... Та-а-к!

Теперь ты, Карась!

Вася Карасев вступил на арку и будто нажал на электрический ревуна.

– Ах, чтоб тебя! – выругался Фомич.

Табло с надписью «пах» истерично мигало, и эти нервные подмигивания сопровождал мощный, раздражающий гул ревуна.

– Чтоб тебя в пах! – снова выругался Фомич. Димыч и Федя не уходили.

– Ну что будем с ним робить, хлопцы? А? – спросил Фомич обеспокоенно. – Подцепил долгоживущие на свой безмен. И не потрешь ведь, не подсобишь. Вещь деликатная. Хотя... Стой! А ну-ка, Федюля, дай вон ту Шайку. Плесни туда из бака щавелевой кислоты да подразведи горячей водой... Есть такое дело!.. А ну-ка, Васютка, подь сюды... – Фомич держал тазик с раствором щавелевой кислоты на уровне Васиного паха. – Запускай-ка своо карася в таз, да поживее, некогда тут с тобой...

Вася запустил «карася» в таз.

– Вот это рыба! – грохнули все со смеху.

– Вам хорошо смеяться... – пропищал обиженно Вася. – А мне-то какво?

– Дезактивируй, отмачивай своего карася, не трясись над ним... Хотя, конечно, добро, оно есть добро...

– Го-го-го! – гырчал Дима. – Придешь, Васек, домой, повесь вялиться...

– А ты помалкивай! – прикрикнул на него Фомич. – Знай место и время!.. Дело тут нешуточное... К жене радиоактивным идти нельзя... Та-а-к!.. Теперь, Васятка, иди отмывай, да три покрепче!..

– Натрешь тут...

– Ха-ха-ха-ха!

Через пятнадцать минут Вася снова влез на «Краб». Табло «пах» загорелось, но на этот раз без ревуна.

– Ну, это уже дело! – сказал Фомич. – Ладноть, ты домывай – и в каморку. Мы будем ждать...

Трое удалились в раздевалку.

Вася Карасев черпнул из ящика горсть порошка «Новость» и пошел дезактивироваться дальше...

7

Через тридцать минут все наконец собрались в каморке старого мастера. Сели, помолчали. Фомич доложил на блочный щит управления АЭС, что «гусак» издох и что можно включать дренчеры (душирующее устройство).

– Вот и все... – тихо, хриплым голосом сказал он, положив трубку телефона на аппарат. – Пять минут, и вся работа! А вы боялись!.. Нетути «козла», нетути... А остальные двадцать четыре Ненастий машиной выдернет... Не дай, конечно, бог, чтобы еще какая-нибудь разрогатилась, тогда... Но... Будем надеяться, что они только разгерметизировались, не расплавились... – Он вдруг замолчал и вроде как бы задумался. На самом же деле в голове у него какой-то внезапный провал образовался, или, как он сам о себе говорил в подобных случаях, в «йодную яму» попал.

Фомич молчал долго, пока голова наконец вновь не обрела свою привычную наполненность думами и заботами.

– Йодная яма... – сказал он задумчиво. – Так-то, мальчики... Все имеет свой подлый конец... А?.. Нет?.. Имеет, имеет!.. Ну что я тут раскудахтался... На, Карась, ключи. Доставай из сейфа пакет, канистру и посуду.

В один миг названные предметы из сейфа перекочевали на стол.

Фомич развернул газету. На стол легли четыре тугие пачки банкнот.

– Вот вам и натёрморг! – сказал Фомич. Потом, не торопясь, собрал пачки, небрежно покувыркал в руках, сложил наподобие колоды карт и перетасовал. Делал все это молча, даже, казалось, с неохотой и пренебрежением. – И стоит ли за-ради этих бумажек жизни свои класть? – задумчиво, будто сам себе, сказал он. И, помолчав, добавил: – Вот сробили мы свою

работу, и деньги эти вроде и лишними стали.

Хотел еще сказать Иван Фомич, вспомнив слова Булова, что в историческом процессе как бы брешь образовалась и что он, Пробкин, и его товарищи своим трудом как бы пробойну эту заткнули... И еще хотел он сказать, что очень высокое, парящее чувство гордости в душе испытывает от мысли, что все в этой нелегкой жизни, даже ядерная смерть, чтоб ей ни дна ни покрывки, не страшна ему и его гвардейцам. Но не мог он выразить это чувство словами.

Однако от чувства этого на душе у него стало как-то лучше, он хитро зыркнул на друзей, с удовлетворением отметив про себя их какие-то по-детски растерянные лица, не стал больше медлить и «роздал колоду по игрокам».

Пачки гулко шмякались о столешницу. На оберточных бумажках наискосок на каждой стояло – «1500».

– По полтора куска... – сказал Фомич с напускным безразличием, но, не выдержав, растянул рот в доброй улыбке и вдруг долбанул ладонью о стол. – Все справедливо!.. Или, как сказал Иван Петрович Булов, работа ведь была, и огромная!.. Наливай, Карась, по половинке да разбавь водой, а то не дойдем до дому... Закусывать нечем... – И вздохнул: – Эх, братья мои! Кабы моя воля – каждому из вас по ордену Трудового Красного Знамени выдал бы... Но нетути... – он развел руками. – Но вот что я вам скажу, ребята... Сейчас только, кажется, и понял это... Не черная кость мы, нет! Мы что ни на есть белая, стержневая кость державы!.. Хотя, грешен, раньше все думал – подснежники мы, не на виду, вроде бы в подземелье... Это так пусть думают те, для кого шкура своя дороже всего на свете... А нам нечего стыдиться... – он хотел еще что-то сказать, но вдруг притих, опустив глаза и посинев лицом.

Остро запахло спиртом-ректификатом. Шибануло слюну. Звонкое бульканье из канистры, шум воды из крана...

– Мутная какая... – сказал Вася Карасев, раздавая чарки. – И греется... Химическая реакция... Видал – струйки, как червяки, извиваются?..

Посопели носами, подули на чарки, чокнулись, но не пили. Все ждали слова старого мастера.

– Ну, молодцы... – сказал Фомич. – Хотя... на десять лет я старше каждого из вас... А кажется – на век... Чтобы не просыхало...

Они выпили.

– Нейтрон его... – начал было Дима.

– Одеваться! Быстро! – зычно приказал Пробкин. Они оделись и вышли в коридор. По краям могучий Федя и длинный, мосластый Дима, а посередине Вася Карасев и Иван Фомич Пробкин. Они обняли друг друга за плечи и шли пошатываясь. Спирт быстро разморил утомленные тела.

– Вот за что я тебя люблю, Фомич, а? – не унимался Дима. – Люблю я тебя, Фомич, во как! Нейтрон твою в корень! Жисть за тебя... В-в-во!..

– И я... – сказал Вася Карасев и заплакал. – И я... – он потянулся и чмокнул Фомича в дряблую щеку.

– Эх, малыцы вы мои, малыцы... – растроганно бормотал Фомич, отирая скупую слезу.

Они покинули энергоблок. Была уже ночь. Занялась метель. Расчищенную с утра дорожку перемело сугробами. Лучи прожекторов и фонарей разматывало по ветру лохматыми крыльями снежной круговерти.

Четверо шли, все так же обнявшись, но шатало их все сильнее и сильнее. Горстка ядерных гвардейцев распадалась, барахталась в сугробе, потом люди поднимались, вновь бросались друг к другу, обнимались, целовались, признавались друг другу в любви. Затем снова попадали в снег. Встали трое. Федя, Вася Карасев и Дима. Фомич же все барахтался в снегу. Не мог встать.

– Развезло, развезло тебя, Фомич... – промямлил Федя, подошел к нему, заграбастал старого мастера и, крепко удерживая, поставил на ноги.

А Фомич все не держался на ногах. Во хмелю он и не заметил, как вдруг подступило удушье и остановилось его старое, много потрудившееся, отравленное тяжелой работой и ядерным хлебом сердце.

– Не стоишь, да?.. Ну сейчас, сейчас я тебя, дорогого, определю... – Федя вскинул тело старого

мастера на спину. Полуторатысячная пачка банкнот выскользнула из кармана покойного и нырнула в сугроб.

Трое двинулись дальше.

Они цеплялись друг за друга. Вася и Дима падали и поднимались. Но Федя, весь извалянный в снегу и со спины похожий на огромного белого медведя, шел, твердо ступая, и осторожно нес на сильной спине своей коченеющее тело Ивана Фомича, приборматывая:

– Ничё, Фомич, ничё! Приволоку тебя на хауз. Баба щи на стол кинет, обогреет, обголубит... Ничё, Фомич, ничё...

Три фигуры все удалялись, удалялись. И наконец истаяли в толще метели...

1982 г.